

Дворец
Меншикова
в Санкт-Петербурге

Светлой памяти
Бориса Борисовича Пиотровского
посвящается

*Издание этой книги осуществлено
при поддержке Березовского межрегионального
некоммерческого благотворительного Фонда
памяти светлейшего князя
Александра Даниловича Меншикова*

Президент Фонда — С.В. Филиппов

Н.В. Калязина, Е.А. Калязин

Дворец
Меншикова
в Санкт-Петербурге

История, реставрация, музей

Русско-Балтийский информационный центр

Б Л И Ц

Санкт-Петербург · 1996

Фото на обложке *Сергея Жиркевича*
Оформление *Дмитрия Бюргановского*

Переработанное издание книги:
Калязина Н.В. Меншиковский дворец-музей.
Л.: Лениздат, 1982

ISBN 5-86789-039-2

- © Н.В.Калязина, Е.А.Калязин,
1996
© Издательство «Русско-Балтийский
информационный центр БЛИЦ»,
1996

Вступление

На Университетской набережной Васильевского острова в Санкт-Петербурге есть дом, привлекающий внимание необычной для нашего времени высокой кровлей «с переломом». Дом составляет часть большого здания, протянувшегося вдоль набережной Невы и Съездовской линии. Боковые крылья отступили от набережной вглубь, и с берега Невы в первую очередь воспринимается центральная, самая старая часть дома с приземистыми четырехугольными столбами портика-входа под большим балконом, с окнами в частых переплетах мелких стекол и скромным декором фасада из плоских поэтажных пилястр.

Это одно из первых каменных зданий города, ценнейший памятник, замечательный своей историей и архитектурой. Оно принадлежало А.Д.Меншикову — первому петербургскому генерал-губернатору. Дворец — единственный сохранившийся до нашего времени образец частного дома Петровской эпохи, совмещавший в себе и функции административного здания — центра управления прибалтийским краем.

Как самое роскошное здание молодого города дворец часто служил местом торжественных приемов иностранных дипломатов, пиров в честь побед русских войск в Северной войне и празднования шумных свадеб, имевших не только семейное, но и политическое значение.

С 1730-х годов во дворце и новых пристроенных к нему зданиях разместилось первое военное учебное заведение России — Кадетский корпус, из которого вышли многие выдающиеся деяте-

ли России XVIII — XIX веков: поэты Сумароков и Херасков, полководец Румянцев-Задунайский, герои Отечественной войны — генералы Ермолов, Дохтуров, Милорадович и другие, правнук Меншикова — адъютант Багратиона и будущий адмирал А.С.Меншиков, будущие декабристы К.Рылеев и Ф.Глинка, его брат С.Глинка — переводчик «Марсельезы», филолог Востоков, физик Шеллинг. На протяжении всего XVIII века Кадетский корпус пользовался репутацией образцового учебного заведения, именовался «рыцарской Академией», «рассадником великих людей России», прославивших свою Родину.

Кроме исторического и мемориального значения, большой интерес и ценность представляет архитектурное решение дворца Меншикова, сформировавшееся в переходную пору развития русской архитектуры, в период рождения одного из красивейших городов мира — Петербурга.

20 февраля 1981 года после реставрации во дворце открылся музей. Экспозиция, подготовленная коллективом Государственного Эрмитажа, частью которого стал новый музей, отражает разные стороны культуры русского общества первой трети XVIII века и труд реставраторов.

*Усадьба А.Д.Меншикова. Фрагмент гравюры
"Васильевский остров при Санкт-Петербурге". А.Ф.Зубов. 1714*

НА НЕВСКИХ БЕРЕГАХ

Дворец генерал-губернатора А.Д.Меншикова на Васильевском острове начали строить в 1710 году, когда, после взятия Выборга русскими войсками 13 июня 1710 года*, «Санкт-Петербургу коначное, — по словам Петра I, — безопасение получено».

Со времени основания Петербурга и закладки Петропавловской крепости на Заячьем острове (16 мая 1703 года) прошло семь наполненных бурными событиями лет. Отгремели праздничные салюты в честь Полтавской победы, «коей первый прочный камень в основание Питербурха положен». Начинался новый этап созидания города. В Петропавловской крепости вместо первых земляных бастионов начали возводить массивные каменные.

* Даты указаны по старому стилю.

На том же Нарышкинском бастионе, который и сейчас смотрит на Неву, ежедневно зимой и летом три пушечных выстрела возвещали жителям молодого города смену часов: на рассвете, перед полуднем и на солнечном закате. У невской набережной нынешней Петроградской стороны — тогдашнего городского центра — можно было увидеть множество судов, приходивших из Ладоги, Новгорода и других мест с товарами и съестными припасами.

Здесь же, неподалеку от первого домика царя, группировались постройки приближенных Петра, среди них — первый деревянный дом генерал-губернатора А.Д.Меншикова.

На Адмиралтейской верфи, окруженной, как крепость, рвами и земляным валом, строились корабли. По берегам Невы закладывали свои первые каменные дворцы царь и его сподвижники.

На островах Невы, по «мшистым, топким берегам» ее рукавов и протоков разместились шалаши и землянки строителей, кое-где белели и краснели раскрашенные «под кирпич» мазанковые и деревянные дома вельмож.

В облачное небо поднимались шпили только что законченных деревянных церквей — Троицкой и Исаакия Далматского. Петр I писал тогда Меншикову в Москву: «...только желаю вас бы нам здесь видеть, дабы и вы красоту сего парадиза (в котором добрым участником был и есть) в заплату трудов своих с нами купно причастником был, чего от сердца желаю; ибо сие место истинно как изрядный младенец, что день преимуществует».

Город рос непохожим на старые русские города, рационально устроенным, деловым. Его главные улицы с домами, строившимися в линию по образцовым (типовым) проектам, были прямыми и широкими. Примерно с 1719 года их мостили булыжником, освещали стеклянными фонарями и обсаживали деревьями.

Каналы, водная гладь Невы и ее рукавов с затейливыми пристанями и судами придавали городу то очарование, которое позволило современникам несколько лет спустя назвать Петербург «северной Венецией». Новая столица России рождалась в муках подневольного труда солдат, каторжников, пленных, крепостных крестьян и насильственно переселенных на вечное жительство с разных концов страны мастеровых людей, которых называли переведенцами.

Плохой климат, жилье в шалашах и землянках, нехватка продовольствия вызывали голод, цингу. Болезни и высокая смертность стали обычным явлением среди строителей, особенно в первое десятилетие создания города.

Многие подневольные строители пытались бежать из Петербурга. Так, за три месяца 1711 года «в бегах» насчитывалось 958 человек. Генерал-губернатор, учитывая нехватку продовольствия, определял строителям не только денежное, но и хлебное жалованье.

Предпринимались и другие меры к удержанию в городе мастеров-строителей. Переведенцам с семьями давали землю. Те, кто имел строительные профессии, освобождались от солдатчины. Пытались организовать лечение, изготовление лекарств, но их, так же как и лекарей, не хватало. Только к 1720-м годам стало налаживаться городское хозяйство, и постепенно подневольная рабочая сила заменялась наемной. Помещиков, отпускавших крестьян на работу в Петербург, освобождали от части податей.

В организации всего строительства Петербурга и его пригородов с 1710 года начинает активно участвовать генерал-губернатор А.Д.Меншиков.

«СЧАСТЬЯ БАЛОВЕНЬ БЕЗРОДНЫЙ...»

Александр Данилович Меншиков (1673—1729) — личность чрезвычайно интересная и противоречивая. История его возвышения и падения весьма характерна для Петровского времени, периода переломного, открывшего новый этап в развитии русского государства. А. Д. Меншиков был ближайшим и преданным помощником Петра I на полях сражений и в проведении в жизнь важнейших государственных реформ, сыгравших прогрессивную роль в истории России. Несмотря на незнатное происхождение, «счастья баловень безродный» стал крупнейшим военным и государственным деятелем страны. Велика его роль в налаживании хозяйства возвращенных в ходе Северной войны прибалтийских земель, в строительстве Петербурга, Кронштадта, Петергофа, где проявились замечательные организаторские способности Данилыча, как называл его царь.

Благодаря своим способностям, своей преданности планам и дерзаниям Петра I, инициативной помощи его деяниям во славу отечества Меншиков был вознесен волею царя до верхних ступеней власти и получил высшие титулы и чины того времени: светлейшего князя Российского, герцога Ижорского, фельдмаршала, президента Военной коллегии. Вместе с тем Меншиков, истинный сын своего полного противоречий века, не упускал случая обогатиться, а порою запускал руку и в государственную казну. Дважды, в 1714 и 1718 годах, его предавали суду, но приговоры ограничивались денежными штрафами — спасали прежние заслуги, искренность раскаяния и привязанность к нему Петра I.

*А. Д. Меншиков. Холст, масло.
Неизвестный художник. 1716—1720*

1710 год можно считать одним из самых значительных в судьбе Меншикова. Весною, 29 мая, он возвратился в Петербург после пятилетнего отсутствия как герой сражений при Калише, Лесной, Полтаве, Переволочне, как организатор осады Риги.

Почести и награды царя и союзников сыпались на него одна за другой. За сражение под Полтавой, где князь командовал конницей на левом фланге и проявил незаурядную храбрость, он получил чин генерал-фельдмаршала одновременно с представителем знатнейшего дворянского рода Борисом Петровичем Шереметевым.

Блестящую победу при Переволочне Меншиков и сам ощущал как «щастие оружию царского величества», ибо «бегучего от нас неприятеля здесь мы сего числа (30 июня) настигли и только что сам король с изменником Мазепою в малых людях уходом спаслись, а достальных шведов всех живьем... в полон собрали, которых будет числом около 10 тысяч. Между которыми генерал Левенгоут и генерал-майор Крейц... Также и своих пленных всех выручил... И с сей преславной викторией поздравляю», — писал он жене.

Царь стал крестным отцом его первенца, Луки Петра, а прусский король наградил князя высшим орденом Черного орла. Меншиков стал богачом, получив многие из завоеванных земель и городов. И никто не был ближе тогда Петру I, чем он, «светлейший князь Александр Данилович».

Петр I встретил Меншикова в Петербурге с невиданной дотоле церемонией и торжественностью, поразившей иностранных дипломатов. Царь выехал князю навстречу за три версты от города, к Красному кабачку на Петергофской дороге, и приказал салютовать приближающемуся Меншикову 55-ю выстрелами. «Князь

даже не слез с лошади, дабы почтить своего государя встречей, и продолжал сидеть до тех пор, пока царь к нему не подъехал и не поцеловал его, — замечал в своих записках датский посланник Юст Юль. — Множество русских офицеров и других служащих тоже выехали верхом встречать князя, все целовали у него руку, ибо в то время он был полубогом, и вся Россия должна была на него молиться...»

«Приезд мой сюда зело счастлив, — писал Меншиков жене из Петербурга, — ибо его царское величество с особливой склонной милостью принять меня изволил...»

Жена князя Дарья Михайловна (1682 — 1728) происходила из старинного и знатного боярского рода Арсеньевых. Их знакомство началось еще в юности, не позже 1698 года, в доме любимой сестры Петра Натальи Алексеевны, где Дашенька жила с двумя своими сестрами. Завершилось знакомство браком много позже, в 1706 году, после того как Меншиков, прославивший себя военными победами, получил титул князя. Очевидно, Дарья Михайловна ждала его, ибо в год свадьбы ей исполнилось уже 24 года, весьма много по тем временам.

Всю дальнейшую совместную жизнь их связывали любовь и взаимное уважение. Когда они разлучались, Меншиков писал жене письма очень часто, и с течением лет они становились все нежнее и дружественнее. Обращение: «Друг мой! От всего моего сердца и ис глубины сердечной» — часто встречается в этих письмах. Мягкая и добрая Дарья Михайловна часто была рядом с мужем в его военных походах. Она и умерла рядом с ним «от горя и слез» по дороге в сибирскую ссылку в 1728 году.

Детей у Меншикова было семь — три сына и четыре дочери. Но лишь трое из них дожили до поры зрелости, и только младше-

му сыну, Александру, суждено было продолжить род Меншиковых. Старшую дочь, Марию, отец принес в жертву своему честолюбию и жажде власти, а может, и своему пониманию чувства долга перед Петром I и Россией. Чувствуя, что после смерти Петра I растёт опасность захвата власти родовитыми вельможами, Меншиков вырвал у умирающей Екатерины I согласие на брак Марии с внуком Петра, будущим Петром II.

Судьба младшей дочери, Александры, тоже не радостна. Возвращенная из ссылки после смерти отца, она была в 1731 году выдана замуж императрицей Анной Иоанновной за Густава Бирона, брата ее фаворита, возможно ради присвоения денег Меншикова, якобы помещенных в европейские банки. Жизнь ее оборвалась рано. В 1736 году она умерла в родах и была похоронена в Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря.

«Светлейший» возлагал на детей большие надежды, стремился дать им то, чего не имел сам и необходимость чего ощущал постоянно, — хорошее образование. «Детей... учите», чтобы «не весьма играли, но более по учению пребывали», — писал он жене. Сына Александра начали учить славянской грамоте на пятом году. И. Голиков в книге «Деяния Петра Великого» упоминает о речи, сказанной по-французски маленьким Александром при встрече Петра из заграничного путешествия осенью 1717 года.

У Меншикова была очень большая по тем временам библиотека, полная опись которой пока не найдена. Можно предполагать, что ее основу составили книги, доставшиеся князю в качестве трофеев Северной войны в Польше, Пруссии, на Украине или полученные в подарок. В библиотеку поступали экземпляры всех книг, издававшихся в Петербурге и Москве; кроме того, в ней хранились документы Военной канцелярии, среди которых па-

Герб А.Д.Меншикова.
Гравюра. А.Ф.Зубов. 1714

тенты на воинские звания, печатные указы и картографический архив прибалтийских земель.

Меншиков сам приобретал много книг, в том числе иллюстрированных, например, басни Эзопа, и учебники для детей. На жалованьи у него числились библиотекарь Василий и переплетчик.

Большую роль в семье Меншиковых играла сестра Дарьи Михайловны — Варвара Михайловна Арсеньева.

Горбатая, маленького роста, но не лишенная привлекательности, умная, энергичная, хорошо образованная для женщины того времени, она на всю жизнь связала свою судьбу с сестрой и ее семьей. Именно Варваре Михайловне поручал Меншиков молодую жену во время Украинской кампании 1708—1709 годов

и просил ее, как более смелую, успокаивать княгиню, которая боялась за мужа. Варвара Михайловна занималась воспитанием детей Меншикова, особенно в отсутствие княгини. Была она другом и советчицей и самому князю. «Дражайшие наши дети в добром обретаютца здравии... Вашей светлости всенижайшая служница» — таковы строки ее многочисленных писем зятю. Не случайно после падения Меншикова Варвара Михайловна поплатилась ссылкой в монастырь, где и окончила свои дни в 1730 году. Она всегда сопровождала князя и княгиню на ассамблеи и праздники и была, по мнению современников, весьма приятной и занимательной собеседницей, пользовалась уважением Петра I.

Описывая веселое пиршество на свадьбе молодого князя Репнина, на которой чета Меншиковых выступала посаженными отцом и матерью, камер-юнкер герцога Голштинского Берхгольц, современник описываемых событий, в своем дневнике замечал: «... прочие дамы сидели по чинам, сестра княгини Меншиковой в большом русском головном уборе, украшенном бриллиантами, занимала место недалеко от государыни».

После смерти Петра I, последовавшей в 1725 году, в царствование его вдовы Екатерины I (1725—1727) и внука Петра II (1727—1730), светлейший князь, как чаще всего величали Меншикова, стал фактическим правителем государства, «полудержавным властелином», по меткому выражению А.С.Пушкина.

В течение трех лет (1725—1727) Меншиков почти единолично управлял страной из дворца на Васильевском острове.

К тому времени он был одним из богатейших людей России — владельцем шести городов, около 100 тысяч крепостных и огромного количества земель на Украине, в Прибалтике, Подмосковье и Польше. Много у Меншикова было домов, дач и дворцов: в

Москве — три, не считая самого большого и богатого Слободского (бывшего Лефортовского) дворца, в Петербурге и его пригородах ему принадлежали девять домов и дач.

Но именно каменным палатам на Васильевском острове была уготована роль главной официальной резиденции генерал-губернатора. Царь подарил Меншикову Васильевский остров еще в 1703 году, при основании города. В 1704 году князь заложил на нем огород и сад, почти одновременно с царским Летним. И только в 1710 году на берегу Невы, напротив Адмиралтейской верфи, было выбрано место для строительства каменного дворца.

ПОСОЛЬСКИЙ ДВОРЕЦ

Меншиков знал о желании Петра I застраивать новый город с самого начала каменными домами. Но большие каменные палаты невозможно было выстроить быстро. Не хватало к тому же мастеров-строителей и материалов. Однако генерал-губернатору нужна была парадная вместительная резиденция, достаточно роскошная, чтобы поддержать престиж нового, столь любимого Петром детища — Петербурга.

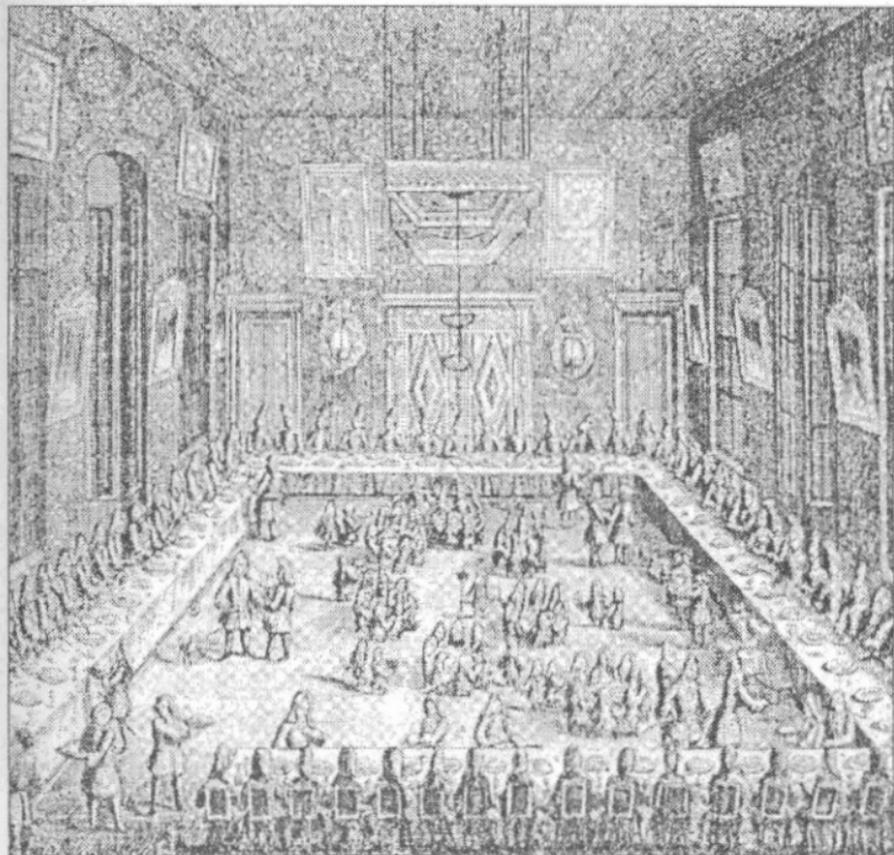
Не было еще в городе других просторных и представительных зданий. К тому же осенью 1710 года намечалось значительное политическое событие: Меншиков был отправлен царем в Ригу для переговоров о свадьбе племянницы Петра I Анны Иоанновны с герцогом Курляндским. Брак этот был важен Петру для закрепления России на прибалтийских землях. Эти причины побудили Меншикова заложить на Васильевском острове еще до каменных

палат, подальше от берега, в саду, деревянные хоромы и торопить с их постройкой.

Для обустройства низменной и болотистой местности выкопали канал от Невы до самых хором. Канал не только осушал берег, но и служил парадным подъездом к деревянным хоромам. Так, с каналами, сооружались в Петербурге той поры многие дворцы по Неве, Фонтанке, а также в Стрельне, Петергофе и Ораниенбауме.

Все лето и осень «с большим поспешением» возводили хоромы. Меншиков торопил комиссара Канцелярии от строений Ульяна Акимовича Синявина, предлагая собрать всех возможных мастеров, в том числе и тех, которые ранее строили его дом в Нарве. Уже в конце октября 1710 года в новопостроенных хором зазвучала музыка. Праздновали брак Анны Иоанновны с герцогом Курляндским.

Хоромы на Васильевском острове вошли в историю архитектуры под пышным названием «Посольский дворец», и это название не было случайным. Посольский дворец считался самым богатым и вместительным в Петербурге, пока возле Летнего сада, приблизительно на месте нынешнего Мраморного дворца, не построили Почтовый дом и не был готов каменный дворец князя. По сохранившимся гравюрам и описаниям можно представить облик этого самого представительного дворца раннего Петербурга — двухэтажного здания, имевшего в плане П-образную форму. Оно было украшено пилястрами по фасаду и балюстрадой на крыше. Высокое крыльцо в центре дома, с башенками по сторонам, вело сразу во второй этаж. По мнению неизвестного немецкого автора «Описания Петербурга 1710—1711 годов», дом, построенный по образцу итальянских дворцов, был очень красив и «обошелся князю не дешево».

*Свадьба карлика Петра I Якима Волкова
в зале Посольского дворца А.Д.Меншикова.
Гравюра. А.Ф.Зубов. 1711*

14 ноября 1710 года в Посольском дворце была сыграна еще одна, но уже потешная свадьба карлика царя Екима Волкова. «Для этой свадьбы карлы все с Москвы были вывезены мужска и женска полу, которых числом было всех близко ста. Из оных же карлов и чиновные люди были...» — записано в поденном «Юрнале» (журнале) Петра I за 1710 год. Подобные «потешные веселия», маскарады вроде «всешутейшего и всепьянейшего собора», свадьбы,

носившие не только элементы сатиры на религиозные обряды, но и элементы шутовства и насмешки, были весьма характерными чертами общественной жизни начала XVIII века.

Зал Посольского дворца, в котором проходили свадьбы, был весьма значительных по тем временам размеров — в нем могли разместиться одновременно более ста человек. Отделка зала и убранство его отличались новизной и богатством. Все стены и потолок были обиты богатой узорчатой тканью, которая заменяла здесь архитектурную отделку и прикрывала трещины в стенах. В простенках между окнами было развешано множество больших зеркал в резных золоченых рамах. Над окнами в качестве украшений и над стенниками (настенными подсвечниками) висели портреты военных и картины в таких же, как и зеркала, резных рамах.

И не раз еще Посольский дворец — деревянные хоромы А.Д. Меншикова — использовался для посольских приемов, свадеб и пиров, пока не было иного, более обширного и богатого здания.

АРХИТЕКТОРЫ И СТРОИТЕЛИ КАМЕННЫХ ПАЛАТ

Центром генерал-губернаторской усадьбы на Васильевском острове должны были стать каменные палаты, как по-старинному продолжали называть дворец первое время. Первый архитектор города Доменико Трезини в «Реестре строениям при Санкт-Петербурге, с которых лет зачаты были строить» датой строительства дворца называет 1710 год. То же утверждает и неизвестный автор первого описания Петербурга 1710—1711 годов, упоминая

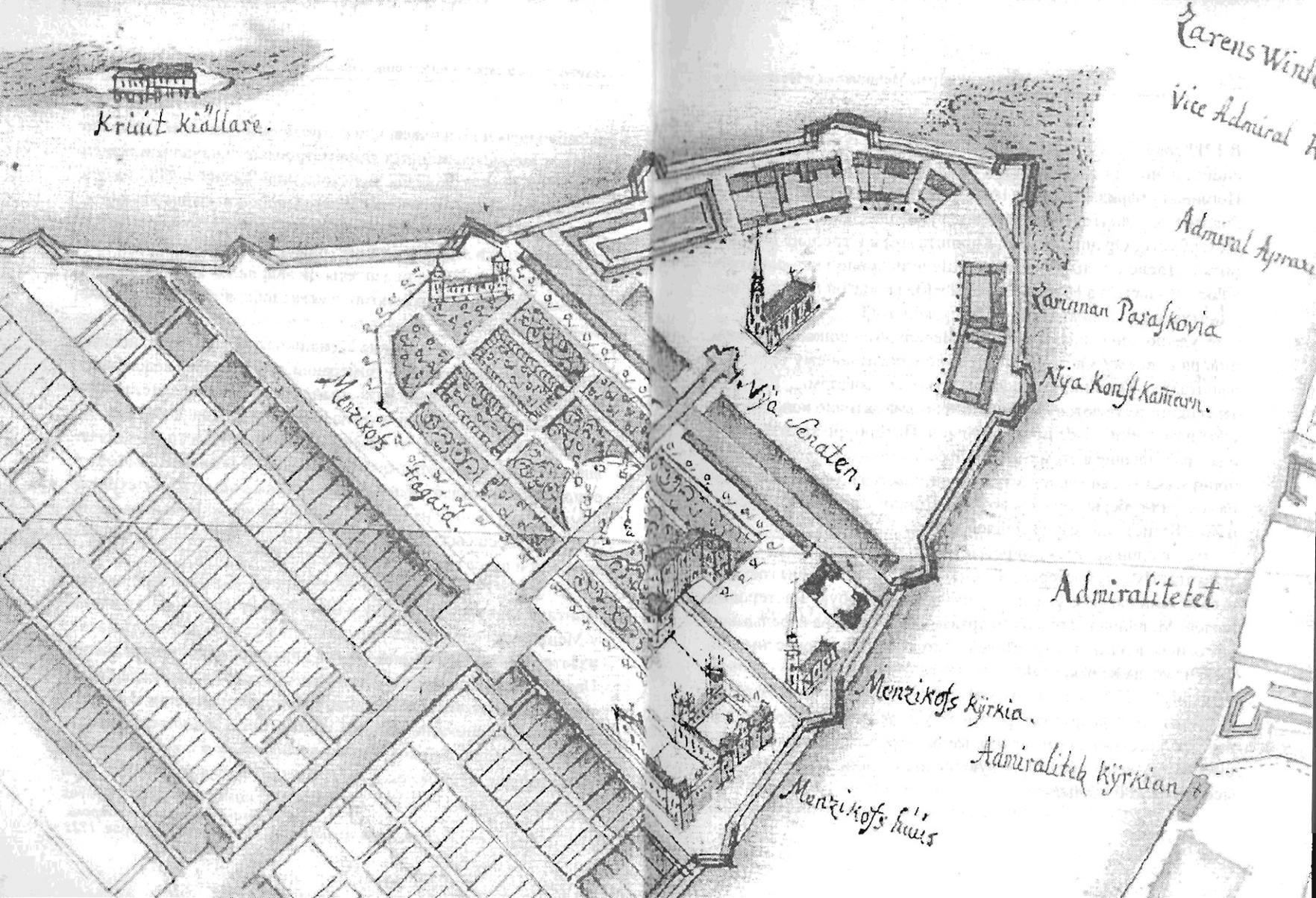
усадьбу князя на Васильевском острове: «Лицом к реке недавно начат строением каменный дом». Строить его начал итальянец Джованни Марио Фонтана, приехавший в Россию в 1703 году и работавший в Москве по перестройке Слободского дворца князя.

К осени 1711 года Фонтана закончил строительство, по крайней мере одного этажа палат: настлали полы, оштукатурили стены, поставили оконные переплеты. В «Юрнале» Петра I за 1711 год имеется запись, что 1 октября «светлейший» уже отпраздновал новоселье.

Весь 1712 год в отсутствие Меншикова, который командовал тогда русскими войсками в Померании, и его семьи в новом дворце одна за другой игрались свадьбы петровских вельмож: Я.Ф. Долгорукова, фельдмаршала Б.П.Шереметева, князя Щербатова. Начало свадебному сезону положил сам Петр, обвенчавшись с Екатериной (Мартой Скавронской) в феврале 1712 года и отпраздновав свадьбу и новоселье в своем только что отстроенном Зимнем дворце на берегу Зимней канавки. Новый царский Зимний дворец был меньше Меншиковских палат, а у остальных вельмож и вовсе еще не имелось каменных домов.

Но уже в 1712 году продолжать строительство стало некому: Фонтана вернулся на родину в Швейцарию. Трезини, с которым у Меншикова сложились прочные деловые отношения, работал в Петербурге от основания города и был занят на строительстве Петропавловской крепости и собора, Летнего дворца царя, работал над проектом Александро-Невского монастыря и многими другими постройками. «Светлейшему» предстояло искать нового архитектора, а пока он мог пользоваться только советами Трезини.

Kriitt kiällare.

Zarens Wind

Vice Admiral

Admiral Apraxin

Zarinnan Paraszkovia

Nija Konst Kammaren.

Nija Senaten.

Admiralitetet

Menzikoffs kyrkia.

Admiralitek kyrkian

Menzikoffs hus

Menzikoffs frögård.

В 1713 году, будучи в Альтоне, близ Гамбурга, Меншиков нанял специально для себя мастера «палатного и гипсового дела» Иоганна Готфрида Шеделя (1680—1752). С тех пор Шедель становится исполнителем воли князя, руководя его постройками в Петербурге, Ораниенбауме, Кронштадте, в Стрельне («Фаворит»). После опалы Меншикова Шедель продолжал работать в России, сначала в Москве, а потом в Киеве, где он построил знаменитую колокольню в Киево-Печерской лавре.

Судя по прошению и письмам Шеделя, Меншиков не совсем доверял своему мастеру, постоянно наказывая ему работать в контакте с Трезини, руководствоваться его советами. Документы свидетельствуют, что Меншиков весьма активно использовал свое положение. Все приезжавшие в Петербург архитекторы и все работавшие в этом городе, по собственному желанию либо принуждаемые, вносили лепту в строительство и украшение дворца генерал-губернатора, среди них Бартоломео Карло Растрелли и Жан Батист Александр Леблон.

Но не один архитектор решает благополучный исход строительства. Нужны мастера, работные люди. Во все концы государства летели царские указы о присылке в Петербург мастеровых людей. Меншиков, пользуясь правами губернатора и фельдмаршала, повелел искать строителей не только среди крепостных, но и отбирать их из рекрутов.

В 1711—1712 годах на строительстве каменных палат работали 92 взятых из рекрутов строителя — суздальские, ижорские, копорские крестьяне, потомственные мастера-каменщики. Некоторые из них всю свою трудовую жизнь отдали строительству меншиковской усадьбы.

Документы архива Меншикова сохранили краткие, но интересные биографические сведения о рядовых мастерах-строителях нашего города. Характерна для того времени судьба кафельника — мастера по изготовлению изразцов Василия Яковлева. Он служил солдатом в Бутырском полку, бежал от тягот солдатской жизни, но был пойман и, как многие другие беглецы, сослан на каторгу в Петербург. Однако ему «повезло». Офицер, искавший среди каторжников всех мало-мальски знающих строительные ремесла, освободил Василия в 1707 году, заменив каторгу работой кафельника на казенных заводах близ Петербурга, изготовлявших изразцы. Там его нашел и взял к себе в 1713 году У.А.Синявин, комиссар Канцелярии от строений в Петербурге. Он определил Василия «для смотрения приморской дачи», которую должен был строить на Петергофской дороге. Но когда Меншиков в 1719 году купил «приморское место» Синявина, а вместе с ним, очевидно, и кафельника, Василий стал работать «для нужд княжеского двора».

Судьба каменщика Никифора Яковлева также типична для многих крестьян бурного Петровского времени. Будучи в солдатах, он «объявил» о своем знании каменного дела и попал на строительство Петербурга, а затем в дом к князю. В возрасте 49 лет, проработав почти 20 лет у Меншикова на строительстве дворца, он, ссылаясь на старость и болезни, просил отпустить его на родину, в Опочинский стан. Так краткая челобитная Никифора Яковлева, сохранившаяся в княжеском архиве, поведала нам и о его происхождении, и о стаже работы.

РЕЗИДЕНЦИЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА

После 1714 года, когда по замыслу Петра I Васильевский остров должен был стать центром быстро растущего Петербурга — нового порта и крепости на берегах Балтики и отныне новой столицы России, изменилось и градостроительное значение дворца — он оказался одним из главных зданий планируемого центра города. Начался новый этап его строительства и расширения, продолжавшийся вплоть до ссылки Меншикова в 1728 году.

Зиму и лето 1720 года Меншиков провел в Москве и на Украине, в Смоленске и Прибалтике, выполняя там поручения царя. И все лето 1720 года он регулярно получал из Петербурга от своего зятя генерал-полицмейстера Антона Дивиера и от управителя дома Ивана Борисова сообщения о домашних делах и строительстве во дворце, близившемся к завершению.

Многое было переделано, достроено, изменено таким образом, что дворец приобрел новый облик, более роскошный и масштабный.

Вернувшись в сентябре 1720 года в Петербург, Меншиков нашел свой дом почти законченным.

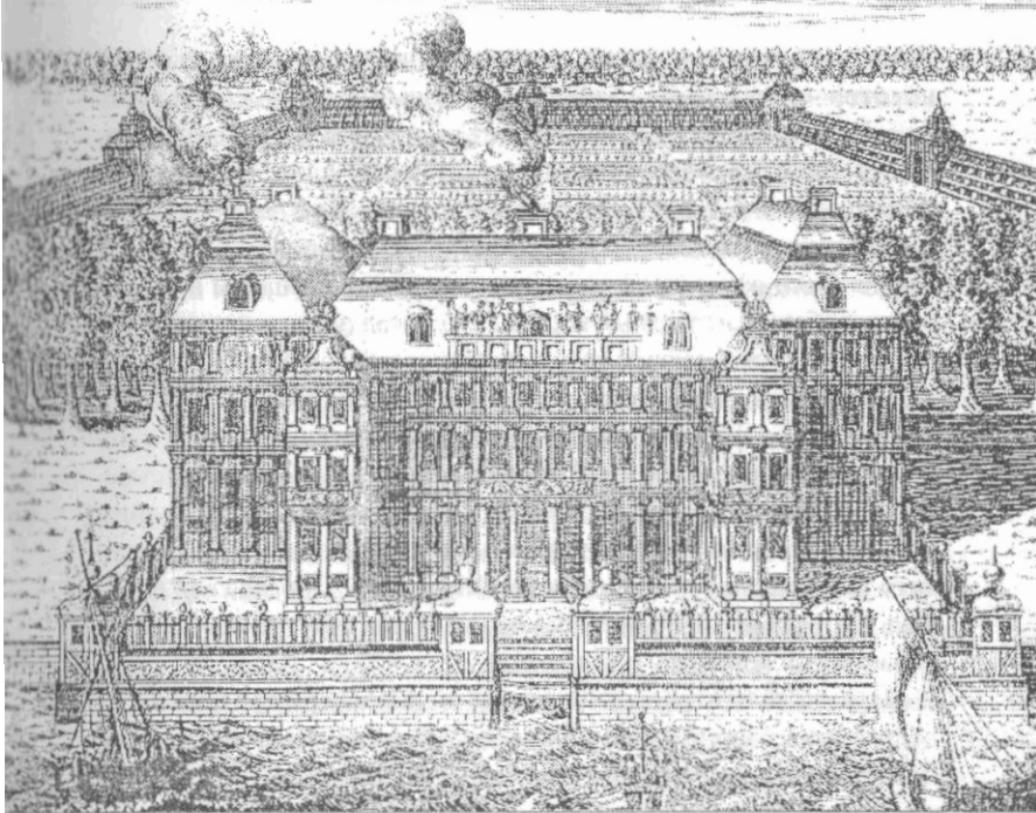
Добираться тогда до дворца генерал-губернатора на Васильевском острове можно было только по воде, используя для этой цели, например, княжескую барку. Известно, что она была большая, на двенадцать гребцов, вся украшенная резьбой и вызолоченная, с каютой, обитой зеленым бархатом.

Проплывая по Неве от Почтового двора, можно было любоваться новыми зданиями на левом берегу: вторым Зимним дворцом Петра I, домами генерал-прокурора П.И.Ягужинского и резидента Петра в Италии С.В.Рагузинского, строящимися роскошными палатами генерал-адмирала Ф.М.Апраксина (на месте нынешнего Зимнего дворца).

На правом берегу Невы располагались Троицкая площадь и Петропавловская крепость, а на Васильевском острове поднимались стены строившегося большого каменного дворца царицы Прасковьи Федоровны и будущей Кунсткамеры. Но они не закрывали еще не застроенные пространства в глубине острова.

Далее по берегу начинались постройки усадьбы Меншикова — двухэтажный дом маршалка княжеского двора Ф.Соловьева и

Домъ свѣтлейшаго князя Меншикова

Домъ свѣтлейшаго князя А.Д. Меншикова.
Гравюра. А.И. Ростовцев. 1716—1717

мазанковая церковь Воскресения, построенная в 1714 году. Она считалась одной из красивейших в молодом городе, наряду с Троицкой. Ее башня-шпиль с курантами возвышалась среди немногих строений Васильевского острова. За церковью в перспективе канала еще можно было увидеть несколько потускневший за десять лет деревянный Посольский дворец.

Каменный *дворец* поражал современников прежде всего своей высотой — четыре этажа вместе с цокольным под высокой кровлей. Не было в Петербурге тех лет здания столь грандиозного. Постройкой северных боковых двухэтажных флигелей и зданий со стороны сада дворец превратился в замкнутый четырехугольник в плане с проездными воротами по трем сторонам. Все части здания были оформлены одинаково, но самым пышным и значительным был центральный корпус. Его фасад поэтажно декорировали пилястрами разных ордеров, увенчали по центру балюстрадой с резными из дерева статуями, а на боковых ризалитах (выступах) — фронтончиками затейливой барочной формы с огромными золочеными княжескими коронами. «Светлейшему» очень льстило его княжеское звание, хотя в письмах и в большинстве официальных документов он никогда не подписывался своим титулом, а просто — «Александр Меншиков». Однако свои дворцы в Петербурге и Ораниенбауме снаружи и внутри он украсил княжескими коронами и гербами.

Парадный центральный вход во дворец оформлял портик из деревянных колонн над высоким двухмаршевым крыльцом и белокаменный портал двери с картушем — княжеским гербом. Над портиком вдоль центральной части фасада проходила деревянная галерея (балкон), с которой подъезжавших гостей встречали звуки музыки. Музыканты играли очень хорошо на трубах, гобоях, флейтах, барабанах, литаврах и блюдах. Недаром «светлейший» так заботился о составе своего оркестра. В его дворцовом штате среди постоянных служителей числилось не менее двенадцати певчих, музыканты и даже сочинитель музыки. Меншиков не упускал случая переманить к себе хороших музыкантов у кого-нибудь из родовитых бояр, например у Юрия Одоевского.

Возле самого крыльца дворца находилась большая деревянная, но раскрашенная под кирпич пристань, к которой приставали лодки с гостями. В те годы нельская вода очень близко подходила к дому.

Сразу же при входе дворец производил впечатление здания, выстроенного на «европейский манер» или «в итальянском стиле», как представлялось неизвестному автору описания города 1716—1717-х годов.

Большие сени. Входящего встречали сквозные сени, как в венецианских палаццо. В глубине в раскрытые двери виднелся двор, а за ним — сад. Колонны тосканского ордера, несколько тяжеловатых пропорций, украшали сени, придавали им вид торжественный и парадный. Сводчатый потолок, подчеркнутый лепными тягами-нервюрами и розетками, ниши по сторонам делали их более нарядными и пышными, а стены и декор мерцали в лучах неяркого света игрою нежных оттенков мрамора. Только приглядевшись, можно было понять, что на стенах был совсем не мрамор, а лишь роспись «на вид мрамора». В России мрамор тогда еще не добывали. Его нужно было везти издалека, из Италии или Греции, и он был очень дорог. Позже князь все же украсит мрамором целый большой зал в своем загородном Ораниенбаумском дворце.

Ниши сеней, вероятно, украшали мраморные статуи. В подражание царю Меншиков приобрел скульптуру, и не только прославленную тогда итальянскую, но и античную.

Ныне неизвестно, какие именно итальянские и античные скульптуры украшали дворец и сад и сколько их было, но в более поздних документах, 1740-х годов, содержатся сведения об изъятых при конфискации имущества Меншикова не менее 25 статуях

и бюстах, которые сначала хранились в Летнем саду, а позже украсили парки в Петергофе и Царском Селе.

Первый этаж. По сторонам сеней находились палаты, обширные и светлые, с большими окнами и белеными оштукатуренными стенами. Они постоянно были заполнены гостями и военными — знаменщиками, сигнальщиками, барабанщиками, личной охраной и свитой Меншикова, который получил от Петра I право на содержание собственного Ингерманландского полка.

В устройстве дома переплелись старые русские традиции и новые обычаи, перенятые в Европе. В цокольном (полуподвальном) этаже по старым традициям купцов и богатых бояр размещались кладовые, пивные и винные погреба и прочие хранилища припасов.

Первый этаж использовался в основном для служебных нужд хозяина дома. В большинстве помещений были устроены различные мастерские, кухни, помещения для дежурных матросов и гребцов. Среди мастерских была и модная тогда токарня, которую Меншиков устроил у себя, во всем стараясь подражать Петру I.

Сводчатые комнаты с простыми белеными стенами были уставлены лавками, шкафами-поставцами, столами на козлах или точеных ножках, редко стульями из дуба или окрашенной сосны. Полы были дощатыми, из широких сосновых плах, тесанных топорами и провощенных. В некоторых комнатах с лепных розеток на потолке свисали на крюках кованые и деревянные паникадила. Зеленые изразцовые или беленые кирпичные печи, украшенные лепными тягами угловые каминные (новомодное, пришедшее с Запада средство отопления и украшения жилища) плохо обогревали каменные помещения.

В конце сеней находилась *парадная лестница*, необычайно торжественная и большая. Она сохранилась до наших дней с некоторыми переделками 1740-х годов. Поднявшись по ней, можно было попасть в *парадные сени* второго этажа. Из окон сеней открывался вид на прекрасный сад и деревянную галерею на круглых столбах, опоясывавшую северный дворовый фасад на уровне второго этажа для служебной связи всех помещений огромного дома.

Во втором, парадном этаже жили сами хозяева дворца. Здесь, согласно новым европейским обычаям, дом как бы делился на две равные половины — мужа и жены. Половины разделялись общими парадными комнатами, где супруги сообща принимали гостей на ассамблеях, пировали на свадьбах. Таких общих парадных помещений было три — зал в центре и две «антикамеры» — парадные приемные — по сторонам.

Из сеней дверь вела в *Большой зал*. Отделка зала в 1721 году поражала пышностью и великолепием. Он был таким же высоким и просторным, как Парадный зал Большого дворца в Петергофе или дома адмирала Ф.М.Апраксина на противоположном берегу Невы.

Зал дворца Меншикова был двусветным на 5 окон по фасаду. В его убранстве было использовано много интересных и богатых новинок. Большим окнам-дверям соответствовали на противоположной стене большие зеркала, повторявшие форму окон. Такое оформление зала в какой-то мере напоминало прославленную и тогда единственную в своем роде зеркальную галерею Версальского дворца во Франции, созданную архитектором А.Мансаром.

Потолок зала украшал живописный плафон. Стены членили, оформляя окна, двери и зеркала, сдвоенные пилястры, декорированные филенками. Капители пилястр украшали лепные изобра-

жения орденов и княжеской короны. Декоративные статуи и купидоны, возможно, занимали места в падуге и на карнизе. Над окнами и дверями и в простенках были помещены живописные картины с изображением батальных сцен.

Тщеславие князя не знало границ. Княжеские короны и знаки ордена Андрея Первозванного, которым Меншиков был награжден вместе с царем Петром I одним из первых в государстве, украшали не только зал, но и парадные спальни в его дворцах. Живописное и скульптурное убранство зала было посвящено теме прославления воинских успехов России и князя в Северной войне.

В праздничные дни в Большом зале ставили столы в форме скобы. Князь был по-русски хлебосольным и не жалел угощений. Бывало, по три раза вновь накрывали стол. Сменялись камчатые скатерти, серебряные блюда богатейшего английского сервиза, которому завидовала сама императрица, и стеклянные кубки. Во время застолья звучала музыка скрипок, валторн и гобоев, раздавалась пушечная пальба.

Камер-юнкер Берхгольц, побывавший в княжеском дворце, писал: «Известно, что нигде в Петербурге так хорошо не обедают, как у князя». По праздникам к вечеру, в восьмом часу, дом обычно «люминовали» — в окна устанавливали пирамиды с зажженными свечами.

«Светлейший» мог позволить себе такие пиршества, и нередко, мало того, они входили в круг обязанностей губернатора. Он вообще, по отзывам современников, жил роскошно. Об этом свидетельствует и убранство его великолепного дворца, в котором насчитывалось более полутора сотен комнат, отделанных и обставленных с роскошью и затейливостью.

Половина князя (на восток от зала) состояла из семи комнат, включая парадную приемную. Если считать от входа с площадки нынешней лестницы, первой шла прихожая, затем передняя, предспальня, спальня, «Ореховая» и кабинет из прихожей. До нашего времени отделка сохранилась лишь в пяти.

Парадная приемная князя не сохранилась. Ее уничтожили в 1740-х годах при переделке зала для церкви Кадетского корпуса. Это значительная утрата, потому что отделка ее была редкостной. В документах приемную называли часто «плитковой» комнатой. Очевидно, такое название говорит об ее особенности — изразцовой отделке. Комнаты, облицованные изразцами, были одной из диковин дворца А.Д.Меншикова, хотя изразцы как отделочный материал известны на Руси давно: полихромными рельефными поливными изразцами облицовывали печи, а также окна, украшавшие фасады церквей.

Во дворце же Меншикова использованы керамические плитки новой для России формы и расцветки: плоские, белые с синим рисунком кобальтовой краской, покрытые прозрачной глазурью. Такие плитки изготовлялись в Голландии, в Дельфте, и в XVII — первой половине XVIII века завоевали признание во всей Европе.

Идея освоения и использования в России голландских плиток возникла у Петра I после знакомства с дельфтскими фаянсами и голландскими жилыми домами во время его первого заграничного путешествия. Жилища голландцев, вероятно, поразили царя своей опрятностью и чистотой. Петр I задумал отделать голландскими плитками несколько комнат в своих дворцах. Одновременно с царем то же самое сделал и А.Д.Меншиков, который отличался особой личной опрятностью.

В Петербурге применялись сначала привозные, а несколько позднее, в конце 1710-х годов, и местные изразцы голландского типа. Их производство было налажено в окрестностях Петербурга, в частности на кирпичных заводах в Стрельне. Кроме того, у Меншикова были при доме и свои кафельники, как Василий Яковлев, о котором мы уже упоминали.

Комнат, отделанных бело-синими плитками, по описи 1732 года насчитывалось одиннадцать, но до наших дней сохранились лишь четыре. Они уникальны, потому что подобные ансамбли комнат, в которых не только стены, но и потолки были бы облицованы художественными плитками, неизвестны в Европе. Даже в Испании, на родине фаянса, или в самой Голландии, где изготавливались плитки и откуда пошел обычай такой отделки, выполнялись лишь невысокие (в 5–6 рядов) плитковые панели с обрамлениями из дуба или вставные композиции на стенах.

К сожалению, неизвестно, как именно выглядела плитковая приемная при Меншикове. Ее можно лишь представить, рассматривая сохранившиеся комнаты. Из документов следует, что потолок в приемной был отделан «штукатурной работой», вероятно, с лепными декоративными тягами, но без плиток. Видимо, в целом отделка ее была замечательной и приемная выделялась среди других богато убранных комнат, ибо в ней князь принимал особо важных гостей.

Возможно, ее стены украшали гравюры и картины, собрание которых во дворце было весьма значительным по тем временам.

В роли губернатора и организатора строительства города Меншиков постоянно общался с живописцами, граверами, архитекторами, выполняя поручения Петра I по организации торжественных празднеств, встреч победителей и созданию гравюр,

призванных запечатлеть эти события. Так, гравюра А.Ф.Зубова, изображающая усадьбу Меншикова в 1714 году, появилась в связи с торжественной встречей русских моряков после Гангутской победы и триумфальным вводом плененных судов в Петербург. Этой встречей руководил генерал-губернатор. Возле своего дома он приказал построить еще одни триумфальные ворота, а Зубову поручил запечатлеть событие на гравюре. С именем Меншикова связано появление и другой известной гравюры того времени — «Панорамы Санкт-Петербурга», исполненной тем же А.Ф.Зубовым два года спустя. Экземпляр гравюры, подклеенной на холсте в деревянных простых рамах, появился во дворце Меншикова 3 марта 1717 года.

Часто приемную использовали и для обедов, но не самых парадных, а когда приглашались офицеры гвардии, члены Военной коллегии и высшие государственные сановники.

В *прихожую* входили с площадки верхних сеней. Первоначальная отделка комнаты не сохранилась. По описям и аналогиям можно предположить, что нижняя часть ее стен могла быть отделана деревянными панелями, а верхняя была оштукатурена и выбелена.

Из прихожей можно войти в *переднюю*, где дежурили секретари, составлялись и хранились деловые бумаги. Здесь сосредоточивалась деловая жизнь хозяина дома. Меншиков умел подбирать и использовать способных и знающих помощников. Его секретарями были люди незаурядные, как, например, будущий генерал А.Волков или весьма образованный Ф.Вист.

Ф.Вист, отец будущего известного архитектора, работавшего в Петербурге в 40-е годы XVIII века, был родом из Силезии. С 1703 года он служил переводчиком и позже секретарем у фельдмаршала Б.П.Шере-

метева до самой его смерти в 1719 году. По желанию Меншикова он был назначен секретарем Военной коллегии и работал при князе, а позже ведал иностранной дипломатической перепиской Меншикова. Очевидно, не сработавшись со «светлейшим», он неоднократно высказывал желание вернуться на родину, но князь удерживал его обещаниями то одной, то другой выгодной должности. Несмотря на неприязнь к князю, Вист в 1727 году, когда Меншикова обвинили в государственной измене, своими объективными свидетельствами помог отвести предъявленные князю ложные обвинения в тайной переписке со шведским сенатом.

Из богатой первоначальной отделки в передней сохранился лишь потолок, декорированный лепными барельефами.

Следующая комната — прихожая перед спальней, или *предспальня*, как она называлась в «Юрнале» — сохранившихся до наших дней поденных записках, подробно фиксирующих основные события жизни Меншикова, события и состояние погоды в Петербурге. Из «Юрнала» следует, что эта комната часто использовалась Меншиковым в первой половине дня как рабочий кабинет. В ней он слушал доклады секретарей, принимал своего непосредственного помощника вице-губернатора С.Т.Клокачева и других чиновников.

Особенно многолюдно было в предспальне по праздничным дням, когда вельможи с раннего утра торопились поздравить тщеславного князя.

В этой же комнате Меншиков часто обедал или ужинал в дни, когда не было больших приемов, в узком кругу деловых людей, гостей или семьи. Здесь стоял специальный шахматный столик, купленный у «купецкого человека, иноземца Эйзеля». Игра в шахматы была любимым занятием князя. Может быть, это увлечение родилось также из постоянного желания подражать привычкам и увлечениям Петра I.

Стены до панелей из дерева и потолок предспальни были отделаны плитками. После привычной духоты деревянных хором, обитых тканями, такое решение жилых комиат представлялось образцом рациональности, чистоты, красоты, свидетельствовало о богатстве и оригинальности хозяев.

Одна из дверей предспальни вела в *спальню князя*, два окна которой выходили на восток. Эта комната, как и предыдущая, тоже была «плитками убрана», и ее отделка в основном сохранилась. Ее стены и потолок можно рассматривать как выставку произведений живописного искусства. Каждая плитка расписана вручную, роспись ни одной из них в точности не повторяется. Темы рисунков почти все сюжетные — это изображения пейзажей с жанровыми или назидательными сценками библейских притч, аллегорий и малых судов.

Плитки на потолке комнаты сочетаются с лепным орнаментом и оштукатуренным профилированным карнизом. Лепное обрамление служит как бы фигурной рамой для плиток, разнообразит их ровную поверхность. В прорезной растительный орнамент лепного обрамления включены знаки ордена Андрея Первозванного.

Комната имела значение парадной спальни. Западноевропейская мода устраивать такие спальни утвердилась в Петербурге именно в первой четверти XVIII века. Новая мода совершенно отличалась от русских обычаев XVIII века, по которым спальни следовало располагать вдали от парадных покоев, в деревянных верхних этажах или пристройках к каменным палатам, чтобы спальни были недоступны для посторонних. В новой моде отразился процесс самоутверждения русского дворянства, характерный для начала XVIII века.

Спальня сообщалась с кабинетом князя, или, как называли это помещение в письмах и поденных записках, с *Ореховой* — небольшой и очень светлой (на 5 окон) комнатой, расположенной в северо-восточном ризалите дворца.

Из окон кабинета открывался прекрасный вид на Неву, Адмиралтейство на противоположном берегу реки, церковь Исаакия Далматского, рядом с которой находился еще один дом князя, сдаваемый им внаем. В окна, смотрящие на восток, можно было увидеть шлюпку подъезжавшего царя или других именитых гостей. Петр I навещал своего любимца очень часто. Это случалось, когда ехали вместе смотреть работы по строительству города или когда князь болел, что бывало нередко, ибо Меншиков имел «слабость в легких» и «склонение к туберкулезу». Петр в таких случаях спешил сам потчевать его лекарствами, считая себя сведущим во врачебном искусстве. И обязательно Петр I посещал своего «камрата» в день его именин и в день победы при Калише.

Необычная и редкая по тем временам отделка стен кабинета натуральным деревом — орехом выделила эту комнату среди других дворцовых помещений и отразилась в ее образном названии — Ореховая, которое закрепилось к 1720 году. Оно встречается в документе, где говорится о посещении дворца князя Петром I, который «изволил забавляться в Ореховой». Сохранившаяся до наших дней отделка решена в виде элементов архитектурного декора: плоские пилястры коринфского ордера на постаментах членят стену, создают ее ритм, пропорции. А между ними смотрятся как картины в рамках гладкие большие панно из наборного ореха. Стена завершается антаблементом с фризом и карнизом.

Поверхность натурального искусно подобранного дерева оживляется и подчеркивается легкими золочеными деталями — капителями пилястр, золоченой рамкой на них и безукоризненно исполненным резным орнаментом.

Потолок украшен живописным плафоном, написанным на холсте и представляющим собой фантастическое переплетение на золотом фоне легких ажурных гирлянд, перьев, цветов, головок полулюдей-полуптиц и женские личики на раковинах, как на пышных воротниках. Живопись отличает изысканная цветовая гамма красно-коралловых и оливково-зеленых тонов; виртуозность и изящество композиции, построенной на вариациях мотивов растительного орнамента с головками полулюдей-полуживотных.

В целом дерево на стенах, живопись на потолке и наборный паркет составляют гармоничный архитектурно-декоративный ансамбль.

Отделке этой комнаты Меншиков, видимо, уделял особое внимание. Ее переделывали, все более совершенствуя, не менее трех раз. Отделка, дошедшая до наших дней почти без изменений, относится к 1716—1718 годам.

Кто же авторы и исполнители этого выдающегося своей гармонией, новизной и высоким искусством декора?

С плафоном на потолке Ореховой истории искусства издавна связывают имя Филиппа Пильмана, приехавшего из Франции по рекомендации Леблона: «Живописец гротеска и арабеска и украшательных вещей есть токмо один сего таланта, который обретается на службе Вашего Величества. Можно употребить его писать потолки и ламбри (деревянная облицовка стен. — *Авт.*) в палатах Петергофских и других местах», — писал о нем Леблон

Петру I. И действительно, по изящному и затейливому стилю, изысканному и декоративному колориту, свободному и фантазийному почерку мастера плафон Ореховой весьма похож на другие, документально известные работы Пильмана — росписи потолков в петергофском Монплезире.

Леблон использовал много новых, только входивших в Европе в моду приемов и способов устройства и украшения домов, особенно с применением натурального или окрашенного дерева с резьбой и позолотой.

Естественно предположить, что для закрепления знакомства и добрых отношений с генерал-губернатором архитектор предложил ему проекты новой отделки некоторых комнат во дворце. К тому же время исполнения существующего сейчас декора совпадает со временем приезда и работы Леблona в Петербурге (конец 1716—начало 1719 года). И хотя не найдены пока документы, прямо указывающие на то, что идея отделки Ореховой принадлежит Леблону, а живопись на потолке — Пильману, стиль декора, тождество орнаментальных мотивов и время исполнения подсказывают при поиске авторов Ореховой именно эти имена.

Исполнителями деревянных облицовок и резьбы были французские и русские столяры и резчики. По документам домовой канцелярии Меншикова установлены поименно шесть русских мастеров, которые в 1717—1726 годах наряду с иностранцем Иоганном Луде работали во дворце: столяры Дементий Иванов, Федот Максимов, Федор Васильев, Денис Нарвский и резчики Федор Ульянов да Ерофей Савельев. Кроме домашних, у Меншикова трудились также новгородские и псковские мастера.

Ореховая имела значение парадного кабинета. Кабинеты как особая комната в доме становились в описываемое время еще од-

ним новым по назначению и отделке помещением. Обычай устраивать такие комнаты пришел из Франции.

Кабинеты предназначались для домашних занятий хозяина дома и развлечений небольшого круга гостей, в них собирали и демонстрировали ценности и редкости, имевшиеся в доме, а их у генерал-губернатора было немало. Драгоценности, серебро, венецианское стекло, дельфтский фаянс, китайский фарфор Меншиков привозил из многочисленных военных походов, заказывал своим агентам, выбирал и покупал сам у купцов в торговых рядах и на кораблях, приходивших в Петербург.

В Ореховом кабинете Меншиковского дворца хозяин часто проводил время за шахматами с близкими ему людьми, здесь любил бывать, забавляясь остроумными и полезными беседами, сам Петр I, здесь же проводила время Екатерина I, часто бывавшая в доме Меншикова, особенно в последние годы своей жизни. В кабинете также слушались особо важные дела. В нем князь иногда принимал поздравления с Новым годом и другими торжественными праздничными датами. Кроме Орехового кабинета в доме Меншикова были и другие покои, искусно убранные, как гласит документ, «разными деревьями, також поставцы и шкапы ореховые и панели».

Парадные покои дворца отапливались изразцовыми печами, иногда совмещенными с камином. Печи облицовывали печными расписными изразцами — как привозными, так и изготовленными в Петербурге. Печные изразцы расписывались так же, как и голландские облицовочные плитки: по белому фону кобальтовыми красками. В XVIII—XIX веках печи неоднократно перекладывались и утратили некоторые декоративные детали (фигурные карнизы и т.п.). Изменились и размеры печей. Так, в первой трети

XVIII века на печи шло до 350 изразцов, сейчас на них можно насчитать не более 250. Исчезли и камины, и до настоящего времени во дворце сохранились всего три печи, облицованные изразцами, изготовленными в Петербурге в 1716—1727 годах. Одна из них находится в Ореховом кабинете. Основная тема росписей на изразцах этой печи — архитектурный пейзаж.

Замечательной отделкой отличались *кабинет из прихожей и покой Варвары Михайловны*, свояченицы князя; в них ведет вторая дверь из предспальни.

Эти комнаты целиком убраны плитками. Архитектурно-декоративная отделка со временем изменилась, но основная часть первоначальных плиток сохранилась.

Наибольшую ценность и интерес по качеству и разнообразию плиток и по продуманности их размещения по стенам и потолку представляет *покой Варвары Михайловны*.

Плитками оформлены не только стены, но также выделены и подчеркнуты архитектурные членения-панели, пилястры, карнизы, десюдепорты. Эти элементы выявлены рисунком плиток и керамическими объемными деталями — тягами, рамками. Очень интересны росписи плиток с изображениями кораблей, всадников, жанровых фигур, амуров.

Плитки с изображением предметов домашнего обихода — корзин, фляг, кастрюль, игрушек дополняют наши представления о быте того времени. На потолке плитки с морской тематикой: целые панно с изображениями разных рыб, которых можно точно узнать и определить, дельфинов, чудищ из свиты бога морей Нептуна и его самого — все те аллегорически трактованные сюжеты, которые были модны, распространены в европейском, и особенно голландском, искусстве со второй половины XVII века.

Известно, что в росписи фаянсовых плиток в Голландии принимали участие ради хлеба насущного профессиональные художники, которые использовали в качестве образцов сюжеты и композиции как из своих собственных произведений, так и из картин и особенно гравюр других известных мастеров.

В комнатах сохранились две изразцовые печи первой четверти XVIII века.

Варвара Михайловна имела и отдельный дом по нынешней Съездовской линии. Но, вероятно, большую часть времени она проводила в доме сестры, где ей были отведены парадные комнаты между половиной князя и восточным крылом дома, где жили дети.

Детские комнаты, размещавшиеся в восточном дворе флигеле, часть которых также была отделана плитками, не сохранились. Среди них был большой зал и другие нарядно и богато убранные помещения.

Комнаты Дарьи Михайловны, жены Меншикова, находились в западной половине дворца.

Половина княгини состояла примерно из такого же количества комнат и того же назначения, что у князя. Убранство их не сохранилось, но можно предполагать, что они были тоже роскошно отделаны плитками, тканями, деревом и обставлены разнообразной и дорогой мебелью.

Расчищая строительный мусор под современными полами, реставраторы обнаружили разбитые плитки, некогда покрывавшие стены одной из комнат Дарьи Михайловны. В архивных документах домашней канцелярии Меншикова можно найти множество упоминаний о покупке для княгини мебели, серебряных угловых столиков, часов, разных тканей и прочего.

Другие помещения дворца. В этой же части дома находилась домашняя церковь, а далее, в комнатах углового западного флигеля, после смерти Екатерины I жил внук Петра I, юноша Петр II, перевезенный сюда Меншиковым. «Светлейший» желал, чтобы молодой царь находился под его постоянным надзором. Неподдалеку от усадьбы Меншиков заложил новый царский дворец (ныне в нем размещается филологический факультет университета), очевидно, помня желание Петра I сделать Васильевский остров центром города. Но этим планам не суждено было сбыться.

Остальные комнаты второго этажа во флигелях и третий этаж в центральной части занимали служители князя и его семьи. Сколько их было в огромном хозяйстве генерал-губернатора, трудно счесть! Одних солдат и капралов на карауле при дворце в 1723 году насчитывалось 70 человек. А еще матросы, денщики, секретари, певчие, музыканты, повара, собственные живописцы, резчики и прочие.

Среди служителей — постоянный домашний лекарь Иоганн Шульц, которому платили немногим меньше, чем палатному мастеру Шеделю. Среди поваров — поляк Иван Михайлов, взятый в плен шведами и освобожденный под Полтавой; среди певчих — Иван Логинов из Москвы, где он работал с 1705 года маляром на строительстве Триумфальных ворот и где хорошим голосом и умением петь привлек внимание князя и был взят в его дом. Среди конюхов — Иван Бошарин, из дворовых крестьян, взятый в солдаты. Меншиков еще в Москве, на смотре солдат, обратил внимание на его военную выправку и явную любовь к лошадям.

Умение Меншикова найти нужных людей и организовать их работу недаром так ценил Петр I. Поистине интернациональная армия служителей разных рангов работала на него, создавала его дворцы, среди них и самый великолепный — на Васильевском острове.

Спустившись по лестнице вниз и выйдя во внутренний двор, можно было попасть в роскошный дворцовый сад. Работы по расширению и украшению сада велись при жизни Меншикова постоянно. Его обслуживал огромный штат садовников (в 1728 году — 67 человек) под руководством мастера Яна Экка. Кроме садовников,

в нем работали крепостные крестьяне Меншикова из окрестностей Ямбурга, Копорья, Друзина. Их труд на строительстве усадьбы, как и во всем Петербурге, был очень тяжелым.

Меншиковский сад занимал тогда площадь около 12 гектаров. Он был создан в стиле голландско-французских регулярных парков, самых модных в конце XVII — начале XVIII века. Планировка сада представляла простую прямоугольную систему дорог. Вдоль берегов канала были высажены стриженные липы. Архитектурно-планировочным центром сада был Посольский дворец. Вспомним, что сад начали устраивать в 1704 году, когда о каменном дворце не было еще и речи.

Украшением сада служили великолепные партерные цветники, разбитые по сторонам канала перед фасадом Посольского дворца. За дворцом были вырыты четыре пруда.

Еще далее вглубь Васильевского острова раскинулся основной декоративный парк. По центру его проходила аллея, делившая парк на две симметричные части. В них были устроены отдельные рощи, лабиринты, крытые аллеи, зеленые сады. Сад украшали фонтаны, бюсты, статуи, которые Меншиков, так же как и царь, приобретал за большие деньги в Италии и Голландии.

За садом был устроен большой овощной огород. Садовое хозяйство содержалось в образцовом порядке, приносило удивительные для северного климата урожаи. Это отмечали современники-иностранцы, например Вебер, который писал, вспоминая отличные дыни из оранжереи и обширные ягодники, что на Васильевском острове в садах Меншикова и почва теплее, и полуденное солнце греет сильнее, поэтому там лучше все произрастает.

Вдоль Малой Невы тянулись домики для привилегированных слуг-иностранцев, деревянные сараи, амбары, конюшни и прочие службы. В летнее время сад часто использовался для праздничных приемов, как зал под открытым небом. Иногда в нем разбивали цветные яркие палатки, в которых накрывали столы.

Одним из самых пышных празднеств можно считать грандиозный маскарад в честь заключения Ништадтского мира в 1721 году. Маскарад продолжался три дня, с 10 по 12 сентября, и закончился ужином под звуки музыки в иллюминированном и разукрашенном саду Меншикова. Перед ужином состоялось торжественное шествие ряженных на судах по Неве. Дома на берегах и корабли на воде были расцвечены горящими плашками и свечами в пирамидах. Среди ряженных маскарада, представлявших античных богов, особенно, по словам современника, выделялся Сатир, которого изображал танцмейстер князя Меншикова. Сам хозяин дворца был одет гамбургским бургомистром в костюм из черного бархата.

В январе 1725 года умер Петр I. Меншиков активно способствовал возведению на трон его вдовы Екатерины, а после ее смерти в 1727 году — малолетнего внука Петра II, став его опекуном. Одним из первых распоряжений «светлейшего», вставшего у власти, было приказание о публичном объявлении указа о снятии с него денежных штрафов за хищения, к уплате которых приговорил его суд при Петре I, и о присвоении звания генералиссимуса.

Честолюбие, жажда власти, а также стремление сохранить Россию, созданную Петром I, которую Меншиков воспринимал как «недостроенную храмину», вызвали у него желание породниться с царским домом браком своей дочери с малолетним ца-

рем Петром II. Это вызвало возмущение родовитых вельмож во главе с Долгорукими. Борьба за власть окончилась арестом Меншикова в сентябре 1727 года. Все его имущество было конфисковано в пользу царского дома, а сам он был сослан с семьей в сибирский город Березов, в 929 верстах от Тобольска, где и умер в 1729 году.

Крушение своей карьеры Меншиков встретил с достоинством, не унизив себя раболепством и просьбами перед людьми, от которых зависела его судьба. Он отверг выдвинутые против него обвинения в государственной измене и предательстве интересов отечества и доказал их необоснованность. Приговор тем не менее был суровым.

Больше всего сокрушался Меншиков о судьбе своих детей. Двум из них — сыну Александру и дочери Александре — удалось вернуться из ссылки в 1731 году. Старшая семнадцатилетняя Мария, «нареченная невеста» Петра II, умерла вслед за отцом в декабре 1729 года в Березове.

Первый русский биограф князя Д.Н.Бантыш-Каменский писал, что Меншиков достоин восхищения и уважения потомков не только как герой Полтавского сражения, но и как мудрец, сумевший победить самого себя.

ДЛЯ НУЖД КАДЕТСКОГО КОРПУСА

... Ранней весной 1732 года к деревянной пристани Васильевского острова подошла лодка. Из нее вышли двое и поднялись к портику с колоннами у входа в «каменный дом бывшего Меншикова».

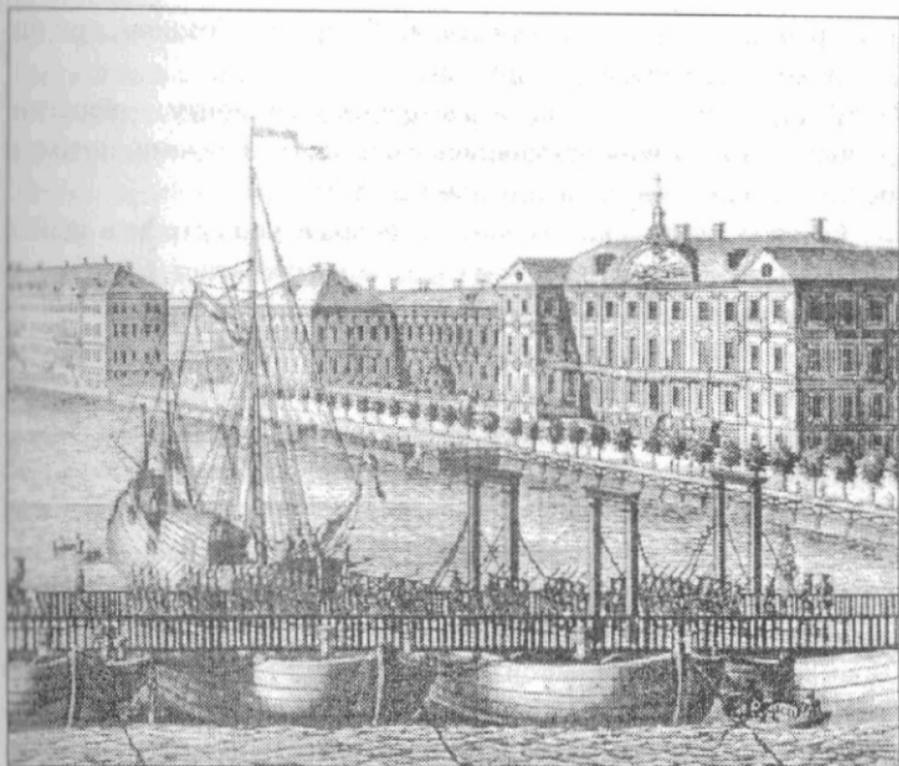
Указом Канцелярии от строений повелено было им, «заархитектору» Ивану Бланку и архитектурному гезелю (ученику) Федору Исакову, «осмотреть и описать подлежащие в Кадецком каменном доме починки и вновь пристроение...».

В минувшем году новая императрица Анна Иоанновна вернулась с царским двором из Москвы в Петербург. Ей важно было показать себя наследницей и преемницей дел Петра I, — ведь жива была его родная дочь Елизавета. Оставленный и заброшенный город начали понемногу приводить в порядок, достраивать начатое.

В последний месяц 1731 года Анной Иоанновной был подписан указ о передаче роскошных княжеских палат Кадетскому корпусу, учрежденному 29 июня 1731 года при участии одного из «птенцов гнезда Петрова» — П.Я.Ягужинского и фельдмаршала Б.К.Миниха для подготовки «сведущих офицеров из россиян».

Начался новый этап в истории дворца. Ивану Бланку и Федору Исакову предстояло приготовить здание для новых хозяев. Во дворце они встретили совершенное запустение и разорение. До указа о передаче здания Кадетскому корпусу в нем жили разные люди и обретались канцелярии некоторых коллегий, в том числе Иностранной. Временным постояльцам было не до сохранения палат опального князя. Да и все его несметные богатства давно уже были вывезены: картины, скульптура, зеркала, тканые шпалеры, серебряные шандалы, ценная посуда. Разрушалось и портилось то, что нельзя было снять и увезти: живопись на стенах и потолках, каминны, изразцовые печи и стены, паркетные полы...

Но все же сохранился огромный каменный дом, да и вся обширная усадьба со службами и садом, простиравшаяся до Малой

*Наплавной мост и Кадетский корпус.
Фрагмент гравюры "Вид на реку Неву с Кадетским корпусом".
Я.В.Васильев по рисунку М.И.Махаева. 1753*

Невы, была удобна для размещения Кадетского корпуса. Однако очищение комнат, обращенных в кладовые, принадлежавшие чиновникам Иностранной коллегии, производилось с такой медлительностью, что окончилось лишь к октябрю 1732 года, почти через год после указа о передаче дворца корпусу.

Только поздней осенью смогли приступить к переделке здания, чтобы приспособить его для новых целей. Общее руковод-

ство работами вначале осуществлял Доменико Трезини, при помощи которого дворец создавался.

Внутренние работы свелись в то время к ремонту — перестилались полы, каминные заменялись изразцовыми печами, потолки белили, стены для тепла обивали холстом.

Со стороны западного флигеля дворца начали строить здание для размещения в нем жилых и учебных комнат кадет. Строительство под руководством архитектора Джузеппе Трезини длилось долго — до 1753 года. Здание это в два с половиной этажа, довольно монотонный фасад которого декорирован пилястрами, протянулось вдоль Кадетской (ныне Съездовской) линии.

Требовалось устроить для кадет и новую большую церковь. Временная, помещавшаяся в бывших Посольских хоромах, была совсем мала и стара. Княжеская мазанковая церковь, стоявшая рядом с дворцом, была разобрана «за ветхостью» еще в 1730 году. В феврале 1743 года после осмотра дворца представителем Синода выяснилось, что Большой зал пригоден для устройства в нем церкви, и в следующем году церковь была устроена «малым иждивением». Для этого на месте бывшей парадной приемной Меншикова устроили алтарь, сняли все украшение зала, которое Синод счел «для церковного благолепия неудобным», в том числе скульптуру, воинские арматуры, княжеские короны и ордена с капителей, замазали «баталии» на стенах и плафон на потолке, а вместо зеркал в нишах северной стены поставили образа.

Современный вид зала, его архитектурно-декоративное решение в виде перистиля со спаренными коринфскими каннелированными пилястрами, с большим карнизом под высокой падугой и потолком, декорированным лепным орнаментом, относится ко времени последней переделки зала в 1768—1785 годах. В объем

перистилия вошли первоначальный объем парадного зала, приемные князя и княгини и помещения третьего этажа над ними; таким образом, весь зал стал двусветным. В скульптурном убранстве церкви принял участие знаменитый И.Т.Мартос, исполнивший лепное изображение Саваофа над иконостасом.

Великолепный декор зала исполнен в стиле раннего классицизма с элементами барокко, а светлая с позолотой деталей окраска придает залу и после его переделки в церковный интерьер светский и праздничный облик.

Одновременно с устройством в зале церкви изменили и фасад дворца, выходящий на Неву. Его упростили и связали с другими зданиями на набережной, прежде всего с коллегиями. Высокую мансардную кровлю заменили двускатной, фронтоны на ризалитах вместо фигурных сделали простыми треугольными. Взамен центрального аттика, декорированного барочными статуями, появился лучковый фронтон с эмблемой Кадетского корпуса. Вместо поэтажных пилястр, членивших весь фасад дворца, два верхних этажа объединили пилястрами так называемого большого ордера.

Подверглось переделке и наружное крыльцо здания. Деревянные ордерные колонны, поддерживавшие балкон, заменили каменными столбами.

В восточном дворе флигеле старого дворца в 1731 году был устроен лазарет для кадет. Позднее для него было выстроено специальное здание во дворе со стороны Кадетской линии. Кроме лазарета, в корпусе учредили и аптеку, которую поместили в бывшем доме Варвары Арсеньевой.

«РАССАДНИК ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ РОССИИ»

Обширные строительные работы в бывшем Меншиковском дворце велись в расчете на подготовку в корпусе одновременно до двухсот дворянских детей. 17 февраля 1732 года корпус был торжественно открыт.

Повелением Анны Иоанновны первыми в кадеты были записаны оставшиеся «не у дел» 12 пажей из свит скончавшихся царицы Евдокии Федоровны и царевны Прасковьи Иоанновны. А за пажами после неоднократных указов и усиленных приглашений последовали сыновья знатнейших дворянских фамилий — Милославских, Васильчиковых, Долгоруких, Вельяминовых, Колычевых, Волконских и других.

Первый ускоренный выпуск Кадетского корпуса состоялся в 1734 году — всего 11 человек. Программа обучения кадет намечалась по тем временам весьма обширной. Она давала не только военно-инженерное, но и гражданское образование. В процессе учебы для практики кадеты привлекались к инженерным и строительным работам, проводившимся в Петербурге. Так, в 1737 году они участвовали в геодезической съемке и составлении первого топографического плана города под руководством преподавателя корпуса, капитан-поручика геодезиста И. фон Зигхейма. План сохранился и представляет собой бесценный документ, фиксирующий состояние и размеры города 30-х годов XVIII века.

Размеренная кадетская жизнь распределялась между полутемными классами, холодными спальнями, манежем, плацем для занятий в саду и самим садом.

Регулярный сад с подстриженными деревьями и кустарниками стал довольно быстро менять свой облик вскоре после ссылки

RIVIERE DE NEVA

Кадетский корпус.

*Фрагмент аксонометрического плана
Сент-Илера. 1767*

князя Меншикова. Изменению и разорению его способствовало распоряжение Елизаветы Петровны в 1745 году о пересадке больших деревьев из старых садов Петербурга для быстрого устройства нового роскошного и огромного парка возле третьего Летнего дворца, построенного на месте нынешнего Инженерного замка. Тогда из сада Кадетского корпуса было пересажено около 250 лип высотой до 8,5 фута (2,6 м).

Во второй половине XVIII века, когда ушли в прошлое регулярные сады, деревья в парке перестали стричь, и они буйно разрослись. Весь парк был поделен между отдельными группами кадет, по возрастам, для их гулянья и обнесен в 1781 году каменной оградой.

Забегая несколько вперед, скажем, что к концу XVIII века сад занимал только половину первоначального участка. Вторую половину занял плац, устроенный для военных занятий кадет. Из четырех прудов осталось два. В 1920-е годы на дрова были вырубле-

ны последние остатки Меншиковского сада. Но в 40—50-е годы XVIII века Кадетский сад был еще обширным и процветающим. Он служил «приютом муз и вдохновенья» кадетам — будущим поэтам, литераторам, актерам. В то время Кадетский корпус, как писал его первый историк А. Висковатов, это не только школа грамотных военных инженеров, «колыбель славы многих героев и знаменитых мужей России», но и «колыбель ее театра и трагедии».

А. П. Сумароков, в будущем известный русский драматург, поэт, сатирик, учился в корпусе с 1732 года. Оду «На победы государя Петра Великого», сочиненную в 1736 году, он впервые прочитал своим товарищам — членам организовавшегося в корпусе «Общества любителей русской словесности». Целью Общества провозглашались «наслаждения мысли и души». В состав его входили: И. И. Мелиссино — будущий куратор Московского университета и знаток древних языков; И. П. Елагин — будущий историк, переводчик, директор петербургских театров; А. И. Мельгунов — в будущем видный государственный деятель; А. В. Олсуфьев — известный дипломат и знаток литературы.

В 1749 году кадеты разыграли написанную Сумароковым, уже признанным стихотворцем и драматургом, его первую оригинальную трагедию «Хорев», вошедшую потом в ряд классических произведений русской литературы XVIII века. С тех пор кадетские спектакли сделались довольно частыми как в корпусе, так и в придворном театре.

В 1752 году в Петербург была вызвана из Ярославля снискавшая там громкую славу труппа любителей-актеров, которую возглавлял купеческий сын Федор Григорьевич Волков. Труппа Волкова прекрасно сыграла в Петербурге все уже написанные тогда

трагедии Сумарокова, в том числе «Хорев», а также «Гамлет» Шекспира в его вольном переводе.

Ярославцев определили в корпус на казенный счет для обучения вместе с кадетами.

Усилия любителей театра увенчались успехом. В 1756 году последовал указ правительствующему Сенату об учреждении российского театра: «Актеров набрать из обучающихся в Кадетском корпусе певчих и ярославцев, к ним прибавить других неслужащих людей и актрис». Воспитателями корпуса тогда были лучшие русские поэты второй половины XVIII — первой половины XIX века: М.М. Херасков, В.А. Озеров, М.В. Крюковской. Любовь к русскому языку и литературе сделалась, можно сказать, традицией воспитанников корпуса.

Увлечение литературой способствовало становлению характера и мировоззрения замечательного русского поэта, будущего декабриста К.Ф. Рылеева, который был учеником корпуса с 6 до 19 лет (1801—1814). Здесь родились и его первая шуточная поэма «Куклиада», и героические стихи на память полководца Отечественной войны 1812 года М.И. Кутузова, который был генерал-директором корпуса в 1794—1797 годах.

КАДЕТСКИЕ РЕФОРМЫ

В конце пятидесятих годов XVIII века начался новый длительный период переустройства Кадетского корпуса, строительства новых зданий и переделки старых, связанных с реформой самого корпуса. На протяжении своей истории корпус неоднократно менял название и статус.

В 1765 году, после отъезда одного из образованнейших и культурнейших директоров корпуса И.И.Шувалова в изгнание, попечителем его становится И.И.Бецкой — реформатор системы образования и воспитания в духе просветительских идей, ставивший своей целью «выращивание идеальных граждан» дворянского общества.

После этого корпус, как и реформированная тогда же Академия художеств, стал строго закрытым учебным заведением, куда принимались дети с 6 лет, «чистые нетронутые души». Общий срок обучения в корпусе рассчитывался на 15 лет с делением его на пять возрастов.

По окончании корпуса выпускники (21 года) в чине от прапорщика до капитана, в зависимости от успехов, могли выбирать военную или гражданскую карьеру «по склонности и состоянию здоровья».

Для своего времени корпус был хорошо оснащен и оборудован для занятий. В нем имелись натуральный кабинет, созданный еще физиком академиком Крафтом, кабинет физических инструментов и большая библиотека, замечательная своим собранием книг — «российских, иностранных и по военным наукам». Здесь могли заниматься все кадеты и не только они. По определенным дням в нее мог прийти всякий и читать книги в особой комнате. С собою же «публике брать оные не дозволялось».

Преподавательский состав корпуса отличался высоким профессиональным и культурным уровнем, особенно в середине и во второй половине XVIII века. Среди его педагогов насчитывалось несколько профессоров Академии наук.

В большом старом дворце, бывшем Меншиковском, помещались церковь, канцелярия, жили некоторые преподаватели и каде-

ты. Основные классные и жилые комнаты воспитанников располагались в длинных корпусах по Кадетской линии.

Потребности в новых помещениях для воспитанников разных возрастов удовлетворили возведением еще одного трехэтажного корпуса, который стал продолжением здания, построенного Дж.Трезини.

Жизнь кадет замыкалась в стенах и ограде кадетской усадьбы. Кадеты каждого или объединенных двух возрастов имели свой сад, кухню, столовую и зал для отдыха и занятий. Свидания с родителями разрешались в корпусе или — летом — в саду.

В 1770 году построили большой зал для свиданий в восточном крыле, пристроенном к старому дворцу Меншикова на фундаментах, заложенных еще при нем в 1727 году.

Середина зала была ограждена перилами, здесь маршировали, показывали танцы и игры. За перилами по сторонам зала располагались родители и зрители. В 1773 году в этом крыле дома произошел большой пожар. Пострадал сам зал и северный флигель. Восстановление повреждений велось, вероятно, под руководством Ю.М.Фельтена. Именно тогда зал для свиданий сделали двусветным, как церковный в старом дворце, с круглыми окнами второго света. Но их формой и высотой нарушили общую симметрию ансамбля фасадов старого Меншиковского дворца и боковых корпусов. Внутри зал также заново отделали в классическом стиле штукатурными и алебастровыми филенками и тягами. В строительных работах по корпусу во второй половине XVIII века принимали участие (правда, кратковременное) лучшие архитекторы того времени — В.И.Баженов, И.Е.Старов, Ю.М.Фельтен.

Баженову приписывается и переделка дома купца Шемякина. Дом этот, стоящий на Кадетской линии и замыкающий перспек-

тиву Большого проспекта, был приобретен для нужд корпуса в 1770 году. Несколько позже он был перестроен в стиле классицизма и украшен портиком с колоннами. Фасад его позднее, по видимому в XIX веке, был окрашен в красно-бурый цвет, единый с фасадом Кадетского корпуса, продолжавшегося до набережной Невы, и здание совершенно не воспринималось как самостоятельное.

В 1965 году во время косметического ремонта было обнаружено, что первоначальный цвет этого фасада был светло-оранжевый, а колонны белые. Такое сочетание типично для классического здания второй половины XVIII века. Эту окраску восстановили, и выявилась симметричная, законченная композиция и красивый по прорисовке фасад.

«Для печатания ко обучению кадетов полезных книг» в одном из зданий корпуса была открыта типография. В этой типографии был напечатан один из самых обстоятельных и ранних путеводителей по городу — «Описание Российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного» И.Г.Георги.

На том месте, где некогда находилась мазанковая церковь Вознесения, в 1757—1759 годах мастером И.Борхардом был построен огромный каменный манеж для обучения кадет искусству верховой езды. Фасад манежа, пышно декорированный скульптурным панно на фронтоне и головами воинов над окнами, исполненными И.Юстом, красиво завершал перспективу единственного тогда в Петербурге Исаакиевского наплавного деревянного моста через Неву.

Позднее, в 1793 году, в нынешнем университетском дворе кадетам был выстроен «Корпус для игры в мяч». Разработка проек-

та этого здания, выполненного в стиле раннего классицизма, но в 1873 году перестроенного, связывается с именем замечательного архитектора и преподавателя Академии художеств А.Ф.Кокорина.

В результате, во второй половине XVIII века вокруг старого Меншиковского дворца сложился тот ансамбль зданий, который мы видим и сейчас на Съездовской линии и Университетской набережной Невы. Ансамбль Кадетского корпуса по-прежнему занимал значительное место в застройке Васильевского острова.

Воспользовавшись аксонометрическим планом Петербурга второй половины XVIII века, известным по имени автора инженера Сент-Илера, и «Описанием...» города И.Г.Георги, можно представить Васильевский остров того времени довольно точно и наглядно. На нем было всего пять застроенных кварталов, в которых насчитывалось 535 домов, из них 170 каменных. Три параллельных проспекта, или, как тогда говорили, «перспективы» (Большая, Средняя и Малая), прорезали остров с востока на запад, до Финского залива. Середина Большой перспективы была вымощена, а по сторонам дороги проходили неширокие каналы. За каналами — дома с палисадниками, преимущественно деревянные, которые придавали красивый вид всему проспекту. Среди построек Большой перспективы выделялись каменный Андреевский рынок и колокольни нескольких церквей.

Все три проспекта пересекались двенадцатью параллельно идущими улицами-линиями, застроенными в основном также деревянными домами. Посреди каждой улицы между двух линий шел канал, вернее, канава, «обкладенная досками». Самые красивые каменные дома украшали берега Невы: на Стрелке — каменный пакгауз, строящаяся Биржа, три здания Академии

наук, затем здание Двенадцати коллегий с обширной площадью перед ним.

С западной стороны корпуса поднималось величественное здание Академии художеств. За нею дальше по берегу — каменные жилые дома, расположенные уступами, Морской кадетский корпус, Горное училище. На плац напротив корпуса в 1818 году был перенесен с Марсова поля обелиск «Румянцова победам» (архит. В.Бренна, 1799 год), сооруженный в честь воспитанника корпуса генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского. Позже на месте плаца был разбит сквер.

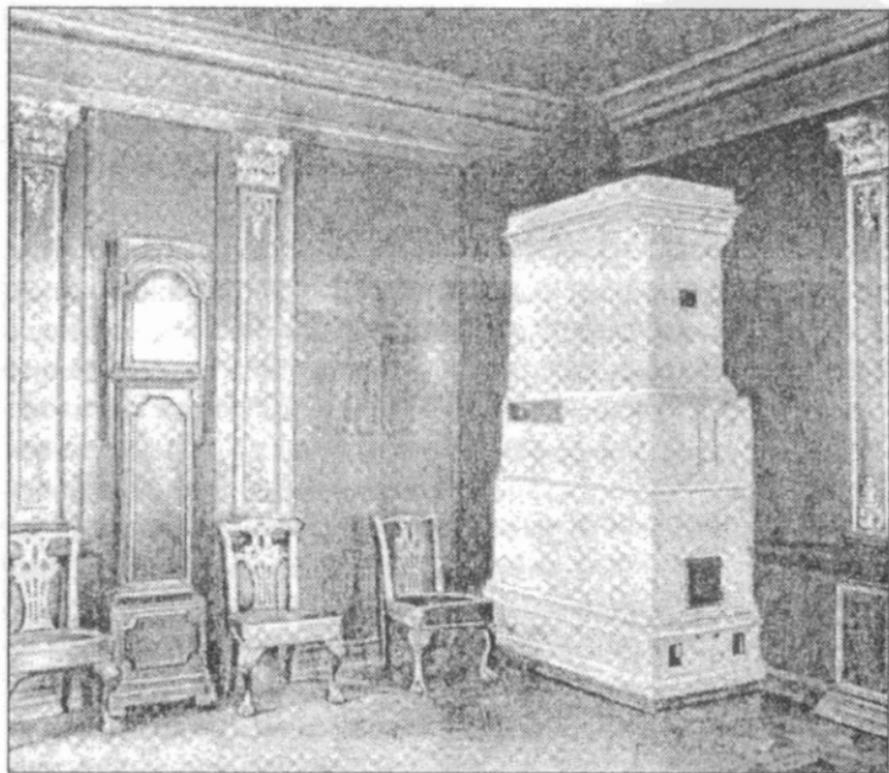
В первой половине XIX века Кадетский корпус оставался главной школой подготовки офицерских кадров русской армии. Постепенно корпус становился любимым детищем Николая I. Царь понимал значение корпуса, внимательно наблюдал за его жизнью и даже снисходил до посещения корпуса и игр с младшими кадетами. Со старшими он участвовал в лагерных сборах под Красным Селом. Корпус в то время потерял свое значение колыбели просвещенных людей России, и роль его в корне изменилась. Этому способствовали не только дух казенной муштры, но и сильно снизившийся уровень преподавательского состава корпуса, куда не допускались прогрессивно мыслящие люди.

Классы размещались тогда в здании по Кадетской линии и были обращены одной стороной на площадь и сад, а другой — в коридор и крытую галерею. В помещениях было всегда прохладно, кормили мальчиков дурно. В столовую водили по галереям из отдаленной части бесконечного здания в одних курточках, несмотря ни на какую погоду. Галереи эти огибали все здание со стороны двора как во вновь построенных частях здания, так и в старом (Меншиковском) дворце, где тогда уже каменная га-

лерея на громоздких столбах скрывала весь первоначальный дворовый фасад. «При входе в зал из холодной галереи, — писал бывший кадет, художник Лев Жемчужников, — была голландская печь в три топки. Но она грела только около себя, хотя бы ее топили по два раза в день... Постройка корпуса была времен князя А.Д. Меншикова и составляла часть его дворца. Стены были толсты, но ветхи, пар шел клубом изо рта при разговоре... окна, стены, гвозди на полу были зимой покрыты инеем и льдом...» В сороковых годах XIX века сильно обветшавшее здание старого Меншиковского дворца опять подвергли некоторому ремонту и переделкам. Поправили деревянный балкон на фасаде, заменив балки на железные и исправив на нем железную решетку, и, таким образом, от старого балкона ничего не сохранилось. Заново переложили центральную парадную лестницу во дворце, однако с сохранением ее прежнего вида. Одновременно заменили некоторые дубовые переплеты окон и филенки ясеневых дверей. Вновь подверглась некоторой переделке церковь корпуса. В церковном зале стены заново окрасили и переписали изображения апостолов.

ПЕРВАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

В конце XIX века в течение семи лет в старом дворце производились работы, которые можно назвать реставрационными, то есть имевшими целью восстановить в прежнем виде отделку некоторых комнат дворца. Они касались прежде всего еще сохранившихся тогда покоев князя Меншикова и Варвары Арсеньевой. Эти комнаты к тому времени занимал совет Управления военных

*Ореховый кабинет А.Д.Меншикова до реставрации.
1920-е гг.*

учебных заведений. В феврале 1888 года здание дворца осмотрел Александр III, при этом он обратил внимание на ветхость покоев. «По высочайшему повелению» при управлении была создана специальная комиссия «для составления мнения» о восстановительных работах, особенно покоев, сохранивших отделку. Так официально была подтверждена ценность дворца как исторического архитектурного памятника.

Реставрационные работы начались в том же году под руководством архитектора корпуса М.А.Иванова. И только в 1895 году в комиссию в качестве экспертов пригласили известного архитекто-

ра и профессора Академии художеств А. А. Парланда и М. П. Боткина, академика исторической живописи, ценителя старины, коллекционера и активного участника русской художественной общественной жизни. Оба эксперта пользовались авторитетом в области старой архитектуры и имели опыт участия в реставрационных работах. М. П. Боткин, например, был членом комиссии по реставрации Благовещенского собора в Москве.

Причины интереса к реставрации старого дворца и привлечение к ней широко известных и авторитетных деятелей архитектуры и искусства, вероятно, следует искать в новой атмосфере общественной жизни России 1880—1890-х годов, в некотором общем подъеме художественной культуры в стране, в развитии демократических тенденций после отмены крепостного права и растущем интересе к национальным культурным традициям, а значит, и культурному наследию. Еще с 1860-х годов постепенно росло движение архитектурной и художественной общественности в защиту памятников русской культуры.

Комиссия по реставрации дворца Меншикова специально обсуждала отдельные реставрационные задачи, вникая в любые, казалось бы, мелочи, чтобы наиболее точно воссоздать исторический облик здания. Так, на заседании 24 октября 1895 года обсуждались вид и состояние окон, а постановление гласило: «...для придания окнам в исторических комнатах характера прежнего времени сделать взамен существующих новые оконные переплеты — подъемные, разделив их по ширине на три стекла». Речь шла о восстановлении первоначальных подъемных двучастных оконниц так называемого голландского типа, широко применявшихся в дворцовом строительстве Петровского времени и утраченных, очевидно, к 80-м годам XIX века. На том же заседании

было решено окрасить под темный дуб двери с наличниками и окна во всех других комнатах, как они были выкрашены раньше, приборы же у всех окон и дверей восстановить по образцу старых, «соображаясь с сохранившимися и частью с предъявленным рисунком».

Самое большое внимание уделили реставрации Ореховой, которая использовалась тогда как зал заседаний. Комиссия долго обсуждала, что и как еще делать в комнате. Для сохранения тепла нашли необходимым «установить новую коробку и дверь вдобавок к существующей», сделанной в 1743 году и выходившей на главный балкон.

Обсуждался вопрос и о реставрации паркета. Сначала предполагали сделать новый, сохранив рисунок и сорта дерева, из которых был набран старый паркет, но позже решили ограничиться ремонтом. Причиной такого решения послужило не благородное желание сохранить элемент старой отделки кабинета, а «значительные расходы, потребные для изготовления новых паркетов».

Живописный плафон в Ореховой «для сохранения его старинного вида» было решено не возобновлять, а лишь вычистить. Работа современных реставраторов показала, что художник, выполнивший эту работу, (им был живописец академик М.Н.Васильев), со своей задачей справился. Ему, вероятно, мы обязаны тем, что плафон Ореховой сохранился до нашего времени в сравнительно хорошем состоянии, без наслоений позднейшей живописи, хоть и с большими утратами красочного слоя.

Остальная реставрация кабинета сводилась к ремонту деталей отделки, добавке трех утраченных орнаментальных деталей на пилястрах, к починке старых орнаментов, возобновлению старой позолоты, восстановлению нескольких утраченных изразцов на

печи, к полировке мраморных подоконников с подножиями.

Так же серьезно и основательно подошли к реставрации плитковых комнат восточной половины. Сначала тщательно исследовали слой алебастра под плитками и установили, что потолки в XVIII — XIX веках пострадали меньше, чем стены. Недостающие плитки заказали в Голландии по образцам сохранившихся первоначальных, всего 6100 штук, но этого количества оказалось недостаточно. Часть, небольшую, сделали на месте — белые плитки с росписью масляными красками от руки. Делали из расчета, что отличить их в массе будет трудно, а стоили они много дешевле голландских.

Из четырех восточных комнат сделали две, сняв перегородки и устроив альковы. В связи с этим пришлось облицевать стены за арками новыми плитками, заказанными в Голландии.

В итоге отделка стен и потолков в плитковых комнатах была укреплена и восстановлена. Полы изготовили по аналогии с паркетами начала XVIII века, сохранившимися в петергофском Монплеzure и Меншиковском дворце в Ораниенбауме. Сохранившиеся к тому времени изразцовые печи разобрали до основания и вновь сложили, частью с «переменою вида», но из прежних изразцов. Недостающие изразцы заказывались по старинным лекалам на петербургском гончарном заводе Харламова. Вместо старых керамических труб сделали чугунные, и к печам поставили медные приборы по образцу приборов XVIII века.

В 1892 году скульптурных дел мастер Р.К.Поль расчистил лепные украшения в вестибюле и на парадной лестнице. В дальнейшем лестница и вестибюль сохраняли свой облик неизменным, вплоть до наших дней, до начала последней реставрации здания.

МУЗЕЙ КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Восстановленные помещения старого дворца были отданы музею Кадетского корпуса, который открылся перед тем, в 1888 году.

Собственно, нечто похожее на музей существовало в Кадетском корпусе еще с тридцатых годов XVIII века. В одном из залов тогда разместили собранные в корпусе раритеты и реликвии, и кадеты стали собираться в нем «для упражнения в изящных художествах, искусствах и науках». В нем хранились также модели и образцы лучших работ учащихся.

Только с конца XIX века музей смог наглядно показать историю корпуса: он служил хранилищем исторических памятников и реликвий — живописных, скульптурных, гравированных портретов исторических лиц, прославленных выпускников корпуса; образцов и рисунков военных форм, знамен, оружия. Среди раритетов в музее сохранялись плиты с отметкой роста Петра I и уровней наводнений 1777 и 1824 годов, некоторые вещи, принадлежавшие А.Д.Меншикову.

Кроме того, при музее имелся архив и библиотека, насчитывавшая до 15 тысяч томов на многих языках по различным отраслям знаний.

В начале 1900-х годов Меншиковский дворец снова привлек к себе внимание, теперь уже историков искусства. О нем писали в своих трудах по истории архитектуры Петербурга И.Э.Грабарь, В.Я.Курбатов и другие, раскрывая художественное значение этого интереснейшего памятника архитектуры раннего Петербурга.

Архитектурный и исторический интерес представляет двухсветный Актный зал, расположенный в части дворца по Кадетской линии. В этом зале в 1917 году проходил I Всероссийский

съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В первую годовщину съезда Кадетская линия была переименована в Съездовскую.

В 1937—1938 годах зал был реставрирован и частично перестроен, а по фасаду здания был пристроен портик с колоннами для оформления парадного входа в зал. Стены зала декорированы сдвоенными пилястрами, а в верхней части украшены барельефами по мотивам известной сюиты медалей в память Отечественной войны 1812 года, исполненной скульптором Ф.П.Толстым.

НАЧАЛО ВОЗРОЖДЕНИЯ СТАРОВОГО ДВОРЦА

После революции Кадетский корпус был упразднен, но музей продолжал существовать во дворце и в первые послереволюционные годы. В 1924 году его закрыли. Коллекции его были переданы в другие музеи, в том числе в Государственный Эрмитаж, а здание использовалось разными учебными заведениями. Однако оно было взято под охрану как памятник архитектуры.

В 1956 году по инициативе Государственной инспекции по охране памятников было решено начать поэтапную капитальную реставрацию дворца. К тому времени фасады и особенно интерьеры большей части здания, кроме музейной, имели вид весьма далекий от первоначального.

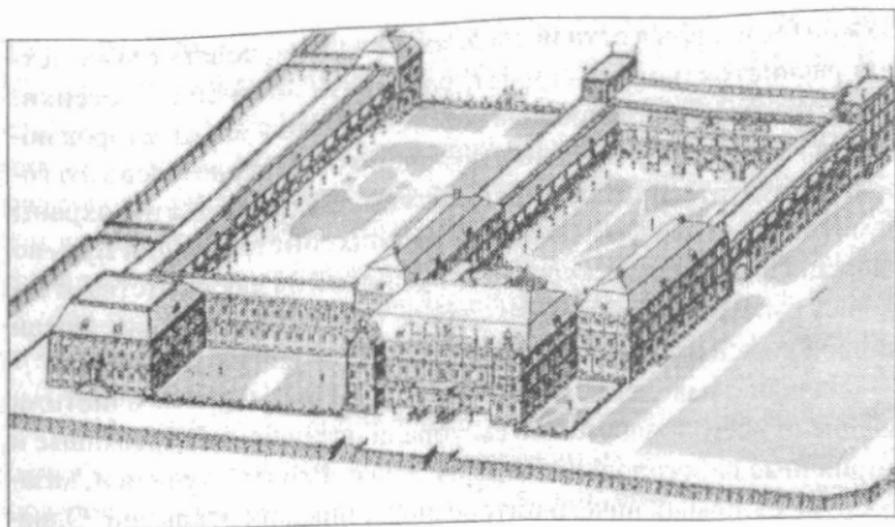
Составление проекта реставрации было поручено специальным научно-реставрационным производственным мастерским (ныне объединение «Реставратор») Ленинграда и архитектору этих мастерских А.Э.Гессену, опытному реставратору, который

осуществил восстановление таких известных памятников архитектуры первой четверти XVIII века, как Монплезир в Петергофе, Летний дворец Петра I в Летнем саду. Позднее, с 1975 года, к проектным и реставрационным работам приступила группа молодых архитекторов: Г.В.Михайлов, В.К.Галочкин и И.В.Бурковская, под руководством известного архитектора-реставратора А.А.Кедринского. Инженерно-конструкторские проектные работы вел К.А.Кочергин. Много времени и сил было уделено исследованию здания, чтобы наиболее полно представить архитектурное и декоративное решение дворца в первой половине XVIII века.

Исторических сведений и архивных материалов о дворце сохранилось не так уж много, да и те еще предстояло найти и изучить. Много кропотливого труда, настойчивых поисков потребовалось историкам архитектуры, чтобы собрать архивные и графические материалы, воссоздать историю строительства дворца. Искусствоведы, начиная с И.Э.Грабаря, считали дворец исторически интересным, грандиозно задуманным, но примитивно исполненным ансамблем. Объяснение этому видели в смене архитекторов, строивших дворец, в сомнительном вкусе самого хозяина, в неумении русских крепостных мастеров строить по-европейски.

Реставрация дворца дала возможность открыть новую, неожиданную даже для специалистов страницу истории дворца, богатую открытиями.

Чтобы узнать, как и что восстанавливать, нужно было найти первоначальные архитектурные и декоративные формы под слоями дальнейших переделок и ремонтов. Однако искать первоначальные формы, наиболее ценные и интересные с точки зрения

*Дворец А.Д.Меншикова. 1720—1725 гг.
Реконструкция Г.В.Михайлова*

истории и архитектуры, значит уничтожать последующие, которые так же могут представлять известную ценность. Вот почему первой задачей любого архитектурно-археологического поиска всегда является самая тщательная документализация того, как именно выглядит памятник до начала его реставрации. Это прежде всего фотофиксация и возможно более тщательный архитектурный обмер, закрепление художественных деталей, находящихся в аварийном состоянии, коллекционирование образцов тех материалов, которые в дальнейшем могут быть утрачены.

В очень трудных условиях, в разное время и с перерывами проводилась эта работа сотрудниками объединения «Реставратор».

Все реставрационные работы велись под постоянным контролем Государственной инспекции по охране памятников.

Нужно было произвести исследование здания, делать сотни метров расчисток, копать шурфы, разбирать позднейшие стенки. Предстояла очень трудоемкая работа. Однако у архитекторов появилось много добровольных помощников. Патриоты своего города и почитатели старой архитектуры, члены общества охраны памятников, узнав о начавшихся работах, быстро нашли путь во дворец. Пришли на экскурсию, за знаниями, из любопытства, а остались работать — по вечерам, после своего рабочего дня. Среди добровольцев были люди разных возрастов и специальностей.

Начали с наведения порядка «первой очереди» — очистили здание от всего лишнего. Затем убрали позднейшие деревянные и кирпичные перегородки в первом этаже. Работа скучная и, казалось, не сулившая ничего интересного, никаких открытий. Однако уже в процессе этой работы начали выявляться размеры и объемы первоначальных помещений, их анфиладное построение.

Но самым интересным результатом первого этапа исследования дворца (именно исследования — ведь в процессе разборок архитектор должен был найти и определить именно первоначальную кладку, отделив ее от более поздних) было раскрытие объемов и архитектуры двух больших залов по сторонам вестибюля. Залы полностью изменили свой облик в течение прошедших 250 лет, их просто не стало, а взамен появилось несколько обычных комнат. Исследователи-добровольцы с помощью мастеров-реставраторов принялись выборочно снимать слои штукатурки, наросшие на стенах за это время. Обнажился очень тонкий слой первоначальной обмазки, которая в первой четверти XVIII века выполнялась «под ложку», по терминологии того времени. Сверху обмазку покрывали побелкой из свежего известкового молока.

Такая штукатурка хорошо держалась на стенах, но не скрывала их неровностей и материала стены. Поэтому оштукатуренные стены построек начала XVIII века производят своеобразное впечатление своею «живостью и живописностью», по образному определению, бытующему среди архитекторов-реставраторов. Оштукатуренные таким образом и окрашенные помещения оживлялись игрою света на неровных поверхностях стен и сводов.

Можно представить и понять сложность воссоздания такого штукатурного покрытия современными мастерами, которые привыкли к механически гладкой поверхности.

Одновременно в процессе этой работы раскрылась во дворце целая коллекция сводов. О существовании многих из них даже не подозревали. Одиннадцать типов сводов, разные в каждом из помещений первого этажа: сомкнутые с распалубками, крестовые, цилиндрические, коробовые, с подпружными арками...

Своды помещений первого и цокольного этажей, выполненные в традициях XVII века, опираются, однако, на такие тонкие стенки, каких раньше никогда на Руси не делали. Толщина фасадных стен первого этажа — всего в два с половиной кирпича. По тому времени делать стены такой толщины было весьма дерзким новшеством. Ибо теоретически возможность применения таких тонких стен была доказана в середине следующего столетия. Часть сводов, особенно перекрывающих квадратные в плане помещения первого этажа, поистине уникальна, так как больше не сохранилось подобных.

В устройстве дворца Меншикова своеобразно сочетаются традиции русской архитектуры XVII века и новые западноевропейские приемы: например, дверные проемы в комнатах первого этажа по-старинному завершаются арочными перемычками, но сами

помещения расположены анфиладой, дверь в дверь, как бы нанизанные на одну ось, что было новым словом в русской архитектуре.

Сводчатые помещения Меншиковского дворца — единственные интерьеры, показывающие связи и переходные моменты в развитии русской архитектуры конца XVII — начала XVIII века.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

При дальнейших контрольных расчистках нашлись первоначальные дверные и оконные проемы, прежде заложенные оконницы и дверные полотнища начала XVIII века. Одно из таких полотнищ нашли в помещении юго-западного ризалита дворца на первом этаже. Дверь была простой плотничной работы, а не тонкой столлярной, то есть из грубовато тесанных досок с железными накладками и коваными гвоздями. Таких дверей, сделанных в первой четверти XVIII века, не сохранилось. Для своего времени они не представляли ни художественной, ни эстетической ценности, но для архитекторов-реставраторов нашего времени дверь эта стала бесценной находкой. Теперь в служебных помещениях дворца можно было спроектировать и воссоздать, опираясь на подлинный образец, типичную простую дверь первой четверти XVIII века.

Эта дверь помогла решить еще одну загадку. Она закрывала отдельный выход из углового дворцового помещения на Неву. Отделка помещения не сохранилась. Каково было его назначение во дворце, почему оно имело специальный выход прямо на набережную и почему в нем была сделана совсем простая сосновая дверь

плотничной работы? На эти вопросы следовало ответить, прежде чем делать проект реставрации комнаты.

Когда сверились с архивными описями дворца первой половины XVIII века, стало ясно, что помещение предназначалось, скорее всего, для сторожей, дежурных матросов, гребцов, которые во время дежурства могли обогреться, поесть в этой комнате и в то же время быть всегда наготове, чтобы встретить у пристани барку князя или его гостей. Вот почему простая дверь, простые беленые стены в этой комнате.

Расчищая местами штукатурку на парадной лестнице, обнаружили заложенные при перестройках в 1730-х годах окно, изразцовую отделку, валик на подоконнике и даже целехонькую фрамугу с осколками старого стекла начала XVIII века, которое получило название «лунного» за его не очень ровную радужную поверхность. Оно было образцом подлинного первоначального заполнения оконных проемов с мелкой расстекловкой квадратами, размерами примерно 20 x 20 сантиметров.

Окна и дубовые двери в помещениях дворца воссоздавались частично по образцам, сохранившимся в закладках, частично по аналогии с другими дворцами первой четверти XVIII века.

Окна сделали специалисты завода «Стройдеталь-2» Управления капитального ремонта, а двери — мастера объединения «Реставратор».

Кропотливые поиски первоначального облика интерьеров дворца продолжались. Лепщики и штукатуры счищали в вестибюле поздние слои побелки, ракрывали изящные узоры розеток на сводах, раскраску под мрамор стен, карнизов и нервюр свода. Как выглядела роспись под мрамор, чтобы ее можно было воссоздать, стало ясно только после этих расчисток.

На верхней площадке парадной лестницы обнаружили фрагменты росписей на аллегорические темы и такие, которые имитировали архитектурный декор — профилированные арки сложной формы над дверями, ведущими на половину А.Д.Меншикова. Реставрационные расчистки раскрыли и тонкую резьбу белокаменных капителей колонн на площадке второго этажа, которые раньше казались грубыми и примитивными в результате многочисленных побелок.

Неожиданные находки были и при изучении подвалов. Уже в середине XIX века дворец воспринимался трехэтажным и довольно приземистым, в то время как современники Меншикова подчеркивали его необыкновенную по тем временам высоту — в три этажа на высоком цокольном. Позже цокольный этаж превратился в обыкновенный полуподвал. При проведении в нем пробных раскопок обнаружили наполовину засыпанные окна с чугунной решеткой, очень интересные сводчатые помещения в центральной части, а на 70 сантиметров ниже существовавшего тогда деревянного пола, под толстым слоем мусора и земли, — кирпичный фигурный пол, выполненный из специальных шестиугольных и квадратных кирпичей, которые составляли рисунок из повторяющихся восьмиугольников с квадратом в центре.

Кирпичный фигурный пол в интерьере был новостью для реставраторов и архитекторов. Такие полы были известны в некоторых церковных зданиях, но не в жилых. Полуподвал предстал теперь в новом виде — как полный цокольный этаж со сводами, фигурными полами и окнами совсем другого размера и оформления.

Парадные сени второго этажа и Парадная лестница после реставрации

Постепенное нарастание культурного слоя в течение двух с половиной столетий в результате подсыпки грунта для защиты от наводнений, расширения и укрепления набережной, в последний раз при одевании ее в гранит в 1831 году, привело к тому, что Меншиковский дворец врос в землю, пилястры потеряли свои белокаменные базы, изменились общие пропорции здания.

Раскопки вокруг дворца и устройство у юго-восточного ризалита дворца видового приямка справа от главного входа позволили установить истинные пропорции первого этажа, найти базы капителей, форму заложённых окон. Фасады дворца оказались вросшими в землю на целых полтора метра и были искажены слоями поновлений.

Перед архитекторами встали сложные проблемы реставрации фасадов. Исследования показали, что наиболее близко к первоначальному решению первой трети XVIII века сохранился северный дворовый фасад. Когда с него сняли каменную галерею, заменившую деревянную, были найдены первоначальные элементы декора, резьба капителей пилястр и многое другое.

Южный фасад дошел до наших дней, как говорят архитекторы, «в редакции 1740-х годов» со многими последующими поправками. Оба фасада нуждались в капитальном ремонте и укреплении стен, оконных и дверных проемов, конструктивных элементов.

В результате продолжительных дискуссий архитекторов и искусствоведов было принято решение об изменении первоначального проекта архитектора А.Э.Гессена и о восстановлении внешнего вида дворца на первую треть XVIII века — с высокой кровлей, поэтажным расположением ордера и декором из ваз и княжеских корон на барочных фронтонах боковых ризалитов. Документальным основанием для проекта послужили подлинные

фрагменты первоначальных оконных проемов, элементы конструкций и декора, сохранившиеся на стенах, гравюра А.Ф.Зубова 1714 года и рисунок архитектора Х.Марселиуса 1725 года, а также открытые в процессе изучения здания архитекторами и исследователями (Г.В.Михайловым, В.К.Галочкиным, Ю.В.Трубиновым, Ю.М.Денисовым) модуль и закономерности пропорционального решения здания, заложенные в нем его первым строителем — архитектором Фонтана и сохраненные последующими.

Все очень сложные общестроительные работы по гидроизоляции, укреплению стен и конструкций велись трестом №1 Управления капитального ремонта. При реставрации кирпичных сводов и фигурных кирпичных полов в цокольных помещениях отличилась комплексная бригада И.К.Семенова.

На углу западного флигеля в 1969 году были реставрированы и вновь установлены самые старые солнечные часы Петербурга, сохранившиеся с XVIII века.

РЕСТАВРАЦИЯ ИНТЕРЬЕРОВ

Комнаты дворца, сохранившие свою историческую декоративную отделку, казалось, сохранились полностью и не требовали больших работ. Но это только казалось, да и то лишь с первого взгляда.

Обратились к сильно забеленным круглым лепным медальонам на потолке в передней Меншикова. Первоначально их было восемь, но один не сохранился. Украшением медальонов служили фигуры, исполненные из гипса в сравнительно невысоком рельефе. Мастера-лепщики бригады В.А.Васильева, который с самого

начала выполнял во дворце все работы по реставрации и воссозданию лепного декора, начали расчистку. Первая фигура оказалась аллегорическим изображением античной богини плодородия с колосьями в руке и рогом изобилия — Деметры; вторая, с весами, — богини правосудия Фемиды.

Медальоны поразили высоким качеством исполнения, своеобразием трактовки образов в строгом и сдержанном стиле.

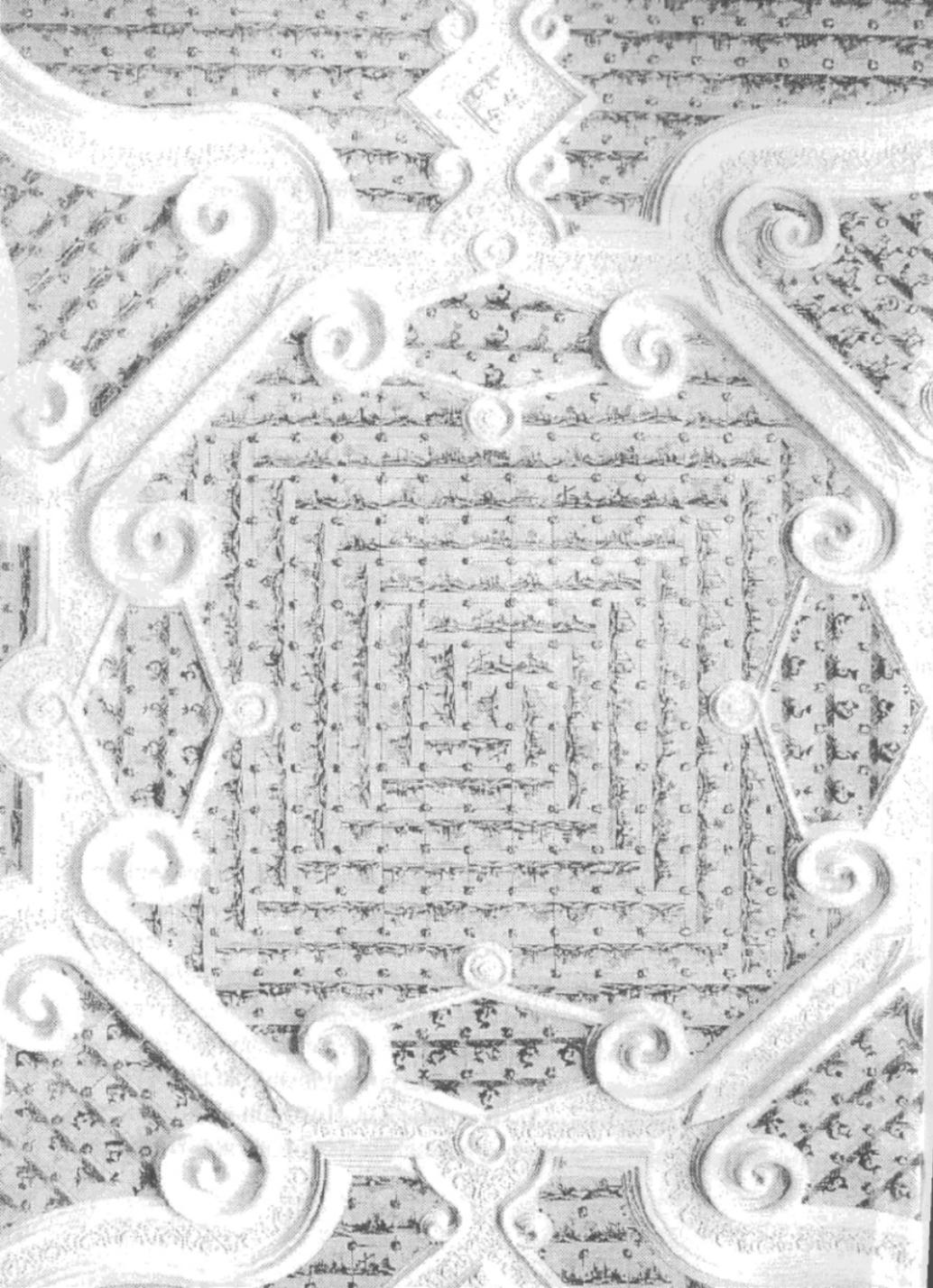
Автор их неизвестен. Возможно, им был один из мастеров, приехавших с талантливым немецким скульптором и архитектором А.Шлютером в 1713—1714 годах, например, Г.И.Маттарнови. По стилю, композиции и тонкости рисунка медальоны имеют много общего с подписными рисунками Маттарнови, хранящимися в Эрмитаже, — набросками барельефов с изображениями аллегорий войны (Марса) и мудрости (Минервы) для отделки Зимнего дворца Петра I.

Изучение четырех комнат, облицованных плитками, показало, что много плиток утрачено или недостаточно прочно укреплено. Нужно было выявить все сюжеты, последовательность их расположения на стенах и потолках и определить общее количество и композиции недостающих. У мастеров уже имелся опыт воссоздания таких плиток. При реставрации Монплезира в Петергофе керамист Н.П.Алексеев и художник Б.А.Мицкевич после долгих и настойчивых поисков и опытов наладили их производство. Созданные ими на базе объединения «Реставратор» плитки в точности повторяли подлинные голландские начала XVIII века. Б.А.Мицкевич и его помощники — М.Е.Петрова, Е.В.Рачковская, С.Н.Иванников и В.Н.Филин для Меншиковского дворца точно так же расписали вручную каждую плитку, варьируя несколько десятков сюжетов, известных нам из отделки четырех комнат.

*Барельеф "Плодородие" (Деметра)
на потолке Передней после реставрации*

Сильно пострадали от времени и ремонтов лепные обрамления плитковых плафонов. Рисунок их был искажен в некоторых местах до неузнаваемости. Бригада специалистов-лепщиков сделала поистине ювелирную работу: расчищали, подклеивали, дополняли по эталонам утраченные места. В ходе работы последовало маленькое, но очень важное открытие. Плитки плафонов удерживались на деревянной обшивке потолка с помощью граненых гвоздей со свинцовой шляпкой в виде розетки. При дальнейшем изучении под зеленой окраской шляпок были обнаружены следы

первоначальной позолоты. Насколько обогатилась декоративная гамма отделки плитковых комнат после восстановления позолоты шляпок гвоздей — золотые точки ярко засияли на фоне белоголубой поверхности плиток.

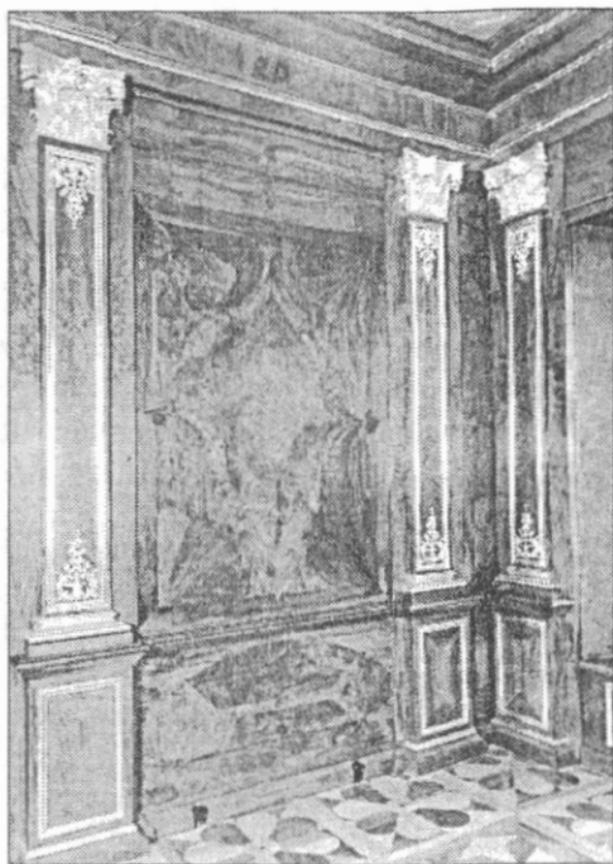
Укрепляя отделку потолка предспальни, реставраторы обнаружили под ней другую, более раннюю отделку — роспись, и не один, а два последовательно исполненных слоя. Первый, вероятно, изображал орнаменты геометрического рисунка, имитирующего лепку. Имитация дорогих отделок (лепки в живописи; шерстяных или шелковых шпалер в росписи холста; мрамора в росписи под мрамор) была очень распространена в строящемся Петербурге, где не хватало материалов, а желания опережали реальные возможности.

И здесь, в предспальне, чувствуется, как торопились с отделкой комнаты, имитируя модную лепную отделку росписью под лепку. Но и первую отделку потолка предспальни скоро заменили на более нарядную роспись яркими тонами декоративных композиций с изображениями ваз и цветов. Фрагменты раскрытых первоначальных росписей демонстрируются на потолке. Их расчистку и консервацию выполнил реставратор В.К.Стразов.

Плитковая и лепная отделка потолка, выполненная в 1718—1720-х годах, была уже третьей по счету при жизни князя во дворце.

Стены Ореховой, облицованные наборным деревом, требовали тщательной очистки и реставрационного ремонта (эти работы исполнила бригада А.Г.Манзи). Были утрачены несколько деталей изящной золоченой резьбы. Паркет также пострадал от времени, но для замечательных мастеров паркетного дела, реставри-

*Фрагмент потолка в Варварином покое
(изразцы и лепной орнамент) после реставрации*

*Фрагмент
отделки стен
в Ореховом кабинете
после реставрации*

ровавших высокохудожественные паркетные полы в Ораниенбауме и воссоздавших заново паркетные полы XVIII века в Петергофе, восстановление паркета Ореховой не составило больших трудностей.

Все наборные паркетные полы в исторических комнатах воссозданы в 1978—1981 годах по сохранившимся образцам и рисункам паркетов первой четверти XVIII века бригадой мастеров В.М.Ильина из объединения «Реставратор». В передней и прихо-

жей набор выполнен из дуба и клена, а там, где паркет имеет более сложный рисунок — из дуба, клена, ореха и березы.

Оставался последний и самый значительный компонент отделки Ореховой — живопись на потолке. Здесь реставраторов ожидали новые открытия.

После снятия для чистки и укрепления живописного слоя плафона под ним, непосредственно на штукатурке, обнаружили неясные следы какой-то росписи, скрытой поздней побелкой, и остатки сбитых лепных обрамлений. Проконсультировавшись с известным опытным реставратором живописи художником Н.В.Перцовым, и решили расчистить скальпелем фрагмент замазанной росписи. Обнаружились два слоя росписи потолка. Обе первоначальные росписи были исполнены в темперно-масляной технике, в основном по сухой штукатурке.

Медленно, по несколько сантиметров в день, расчищал скальпелем художник-реставратор Б.Н.Косенков забеленную роспись.

Позднее расчистку и укрепление потолка Ореховой продолжили художники-реставраторы Я.А.Козаков, Б.Л.Голованов, Б.Н.Лебедев.

Постепенно в центре потолка начали проступать очертания фигуры молодого воина в кирасе и шлеме. У ног его изображены пушки и ядра, знамена, колчан со стрелами. В левой руке воин держит круглый щит, правая сжимает острый меч. Тут же изображение чертежа с контурами крепости. Лицо воина, молодого, с усами, полными крупными губами, светлыми, слегка навывахе, глазами, кого-то напоминало. Написано оно было довольно реально, с элементами портретной характеристики. Может быть, это изображение молодого Петра I, которого Меншиков с

полным основанием считал своим благодетелем, которому он был преданным товарищем, с которым участвовал в разных военных походах.

Портрет Петра, вероятно, хотел видеть Меншиков в своем кабинете, в том самом, где не раз бывал и сам царь. Все это вполне возможно. Но тогда вряд ли Меншиков мог позволить замазать впоследствии фигуру царя и закрыть ее декоративным плафоном. Скорее это аллегория воина-победителя с чертами, напоминающими царя. В любом варианте фигура воина воплощает в себе торжество, вызванное Полтавской битвой, переломной для России в ходе Северной войны. Она воспринималась современниками, в частности Петром I, как «день начатия всего нашего добра», «день русского воскресения».

Напомним, что дворец начал строиться почти сразу после Полтавской битвы, в 1710 году, и естественно, что в его убранстве отразились патриотические чувства русских людей. Образ воина довольно хорошо сохранился, хотя верхний слой живописи «съеден» известковой побелкой. Видимо, он был выполнен в ярких плотных цветах, среди которых преобладают красные и голубые.

Дальнейшая расчистка росписи потолка раскрыла угловые композиции, исполненные в технике гризайль — тонового письма краской одного цвета. Было видно, что угловые росписи сделаны кистью другого живописца, чем центральная фигура воина. В юго-восточном углу кабинета в обрамлении пейзажа изображены корона с ветвями оливы и лента с начертанными на ней словами: «Согласие приносит победу».

Фигура воина-победителя. Фрагмент первой росписи потолка Орехового кабинета (после расчистки). Масло, темпера по сухой штукатурке. Живописцы Оружейной палаты. 1711—1712

В северо-восточном углу реставраторы увидели руку воина, выступающую из облаков и сжимающую скипетр с другим девизом на ленте: «Предвидит и помогает тем».

На юго-западе на фоне моря — колонна с ключом и мечом и девизом: «Где правда и вера ту и сила прибуде».

Композиция северо-западного угла оставлена нераскрытой под вторым слоем росписи.

Что же означают эти эмблематические изображения? Почерпнутые из напечатанного в России в 1705 году сборника «Символы и эмблемата», эти сюжеты аллегорическим языком искусства выражали гражданские, а не религиозные, как раньше, идеалы своего времени, наполнялись конкретным и понятным содержанием. Они призывали славить победу, разъясняли условия ее в изречениях. В изображении воина-победителя чувствуются традиции русской стенной живописи конца XVII века — в традиционном плотном цвете, позе, трактовке костюма. С другой стороны, общая пятичастная композиция плафона, использование техники гризайль заставляют считать, что мастера, исполнявшие эту первоначальную роспись, были знакомы с приемами декоративной европейской живописи начала XVIII века.

Поиски исполнителей этой росписи привели исследователей живописи кабинета к мастерам Московской Оружейной палаты, позволили выявить группу художников, работавших над живописным убранством дворцов А.Д.Меншикова в Москве, Нарве, а с 1711 года — и в Петербурге. В эту группу входили Г.Адольский и И.Адольский Меньшой, Д.Соловьев, А.Захаров, Л.Федоров, В.Ерошевский и С.Бушув (последние двое были тогда учениками). Все они известны как мастера монументально-декоративной живописи, работавшие впоследствии над росписями Петергоф-

ских дворцов, и только Г. Адольского мы знаем как мастера монументального портрета.

В результате реставрации перед зрителем предстало законченное монументально-декоративное произведение на светскую актуальную тему, исполненное русскими мастерами.

Подобные пятичастные живописные композиции украшали многие дворцы того времени, но сохранились лишь в Кадриорге (Таллин) и зале совета Петербургского университета (бывшем здании Двенадцати коллегий). Плафон Ореховой — самое раннее из сохранившихся произведений русской светской монументально-декоративной живописи в Петербурге.

Не позже 1715—1716 годов угловые композиции первоначальной росписи были заменены новыми, то есть поверх первого слоя был написан второй. Чем была вызвана эта замена — можно лишь предполагать. В углах, в обрамлении из орнаментов, появились летящие на фоне голубого неба лукавые мальчишки-амуры с крыльями и лентами за спиной, с пышной гирляндой в руках из роз, георгинов и нарциссов. Амуры исполнены совсем в другой манере, чем первый слой росписи, уверенной, размашистой кистью, являющей искусную руку опытного декоратора.

Орнаменты и подбор цветов — красно-сиреневых и оливково-зеленых — заставляют вспомнить известные росписи Вольтера и Монплезира в Петергофе, то есть французскую школу декоративной живописи, прославленную во всей Европе в начале XVIII века.

Из ее представителей, кроме Ф. Пильмана, в Россию приехал в 1715 году Л. Каравак, который обрел здесь вторую родину. У Каравака учились уже названные живописцы А. Захаров и Л. Федоров. Может быть, обучение это происходило во дворце

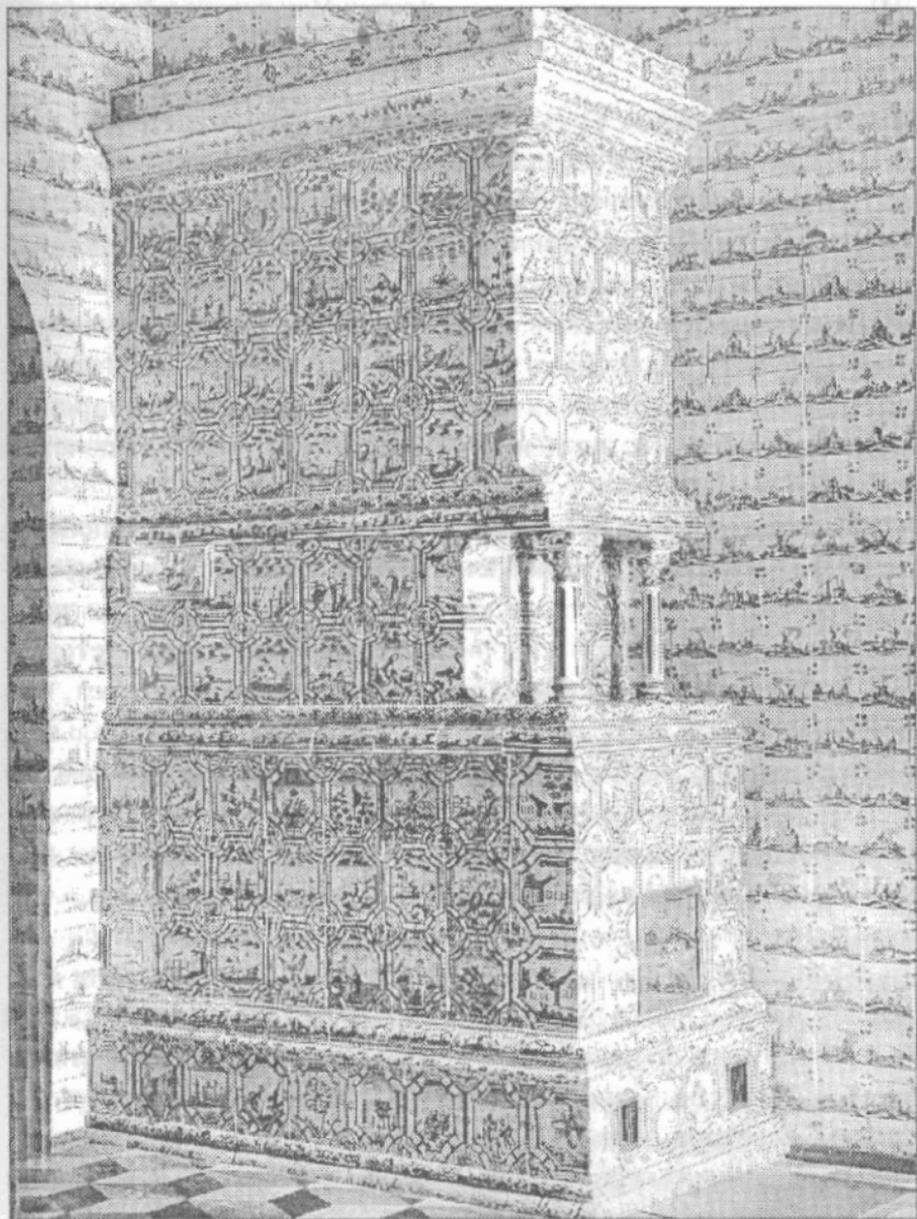
на Васильевском острове, когда Меншиков поручил Л.Караваку, сразу после его приезда, показать свое искусство декоратора?

Известно, что Л.Каравак в 1716—1717 годах писал по заказу Меншикова портрет сына Петра I в образе купидона.

Трудился над украшением дворца Меншикова еще один известный живописец того времени, но это было несколько позднее. В письме архитектора Трезини Меншикову от 1722 года читаем, что «живописец, который приехал из Италии с господином Саввою Рагузинским, в доме Вашей светлости в каморе плафон и две стены живописью на фреско написал и две другие стены пишет...» Известно, что работа понравилась. «Здесь такой нет», — сообщал зять Меншикова, петербургский генерал-полицмейстер А.Дивьер, предлагая и в дальнейшем использовать итальянского живописца для отделки дворца.

Итальянским живописцем, привезенным С.Рагузинским, был венецианец Бартоломео Тарсия, сын скульптора А.Тарсия, парковые декоративные скульптуры которого покупал Рагузинский для Летнего сада Петра I. Б.Тарсия всю свою последующую жизнь работал над декором петербургских дворцов — второго Летнего, Зимнего, Петергофского и преподавал рисование в Петербургской Академии наук. На родине его почти не знают, ибо вся его долгая творческая жизнь прошла в России (умер он в 1765 году).

Снятый с потолка Ореховой живописный плафон считался известными искусствоведами исполненным на коже. Потемневший от времени, мерцающий тусклой позолотой сверху, на потолке, он казался именно таким. Неизвестно было, кто его писал, каковы живописные достоинства плафона.

*Печь 1720-х гг. в Кабинете
из Прихожей после реставрации*

И вот в осторожных руках врачей-старинной живописи В.И.Лаврухина и Л.В.Плавковой укреплен и очищен от грязи живописный слой. И что же? Перед нами предстала исполненная на холсте кистью большого мастера темперно-масляная живопись: на сплошном золотом фоне орнаментальная композиция из сеток переплетающихся растений, фантастических головок полулюдей-полуживотных. На четырех углах на фоне раковин и как будто на пышных белых воротниках-жабо изображены четыре пудренные женские головки. По легенде художник запечатлел здесь дочерей Меншикова — Марию, Александру, Екатерину, Варвару.

Живопись сильно пострадала от времени, особенно в центре, на месте роскошной розетки-зонтика. По своему характеру, стилю, особенностям трактовки некоторых декоративных мотивов она близка декоративной живописи дворца Монплеизир в Петергофе. Документы и свидетельства современников сообщают, что предполагаемый автор плафона Ф.Пильман работал не только в царских дворцах, но и у А.Д.Меншикова, расписывая золотом зал в его роскошном кронштадтском доме. Кроме открытых и расчищенных сводов, кирпичных полов и живописи, в процессе реставрационных работ найдены и другие интересные материалы — фрагменты отделки комнат и целые куски изразцов от печей.

Весной 1974 года при расчистке и проверке состояния сводов в западной части дворца между первым и вторым этажами был обнаружен фундамент печи или камина. В нем под слоем мусора нашли большое количество разорванных листов бумаги (писем, реестров, записок), исписанных различными почерками, характерными для первой трети XVIII века. Изучение документов показало, что, возможно, это черновые бумаги, имеющие отношение к Военной канцелярии Меншикова.

Особенно богаты открытиями были 1979 и 1980 годы, когда во дворце велись интенсивные строительные и реставрационные работы. Остатки изразцовых и лепных отделок детских комнат, два ранних слоя живописи на потолке предспальни, старые закладки окон в разных местах дворца, изразцовые валики на подоконниках окон второго этажа Парадной лестницы — все эти и многие другие находки рассказали о первоначальной отделке дворца, сохранившейся лишь фрагментами. Неоднократная смена отделок в течение неполных 20 лет связана как с ростом богатства хозяина, с изменениями места и роли дворца в ансамбле города и Васильевского острова, так и с этапами развития строительства и архитектуры Петербурга первой трети XVIII века.

ПО ЗАЛАМ МУЗЕЯ

Вход в музей устроен в цокольном этаже и ведет в бывшие служебные помещения. Поднявшись по лестнице, устроенной в западном флигеле для нужд Кадетского корпуса, и пройдя несколько вспомогательных помещений, посетители оказываются в самой старой части дворца. Дверной проем в первой сводчатой комнате сохранил следы фасадного карниза, так как эта стена вначале была наружной. Таких музеефицированных архитектурных деталей первой трети XVIII века во дворце немало.

В этой комнате и начинается *экспозиция*. Выставка фотодокументов знакомит с некоторыми этапами истории и реставрации здания. Нумерация помещений указана на поэтажных планах дворца в соответствии с рекомендуемым порядком осмотра музея.

Названия и назначение комнат установлены по архивным документам и литературным источникам XVIII—XIX веков либо в ходе реставрации, а их убранство воссоздано по материалам описей дворцов и имущества Меншикова, документам о приобретении предметов домашнего обихода. Предметы, составляющие убранство дворца, отобраны среди коллекций Государственного Эрмитажа, где сохраняется имущество не только русских царей, но и крупнейших дворянских фамилий, в том числе и конфискованное в 1727 году у Меншикова.

Служебное помещение в старой части дворца сохранило архитектурный облик первой трети XVIII века. Часть сводов потолка раскрыта до кирпичей, чтобы показать особенности кладки.

Здесь развернута экспозиция, где подлинные гравюры XVIII века знакомят с Меншиковским дворцом, его местом в ансамбле Васильевского острова и некоторыми важными событиями того времени.

Слева — редкая гравюра с наиболее ранним изображением дворца. Она исполнена А.Ф.Зубовым в 1714 году к празднованию первой победы русского Балтийского флота при Гангуте и торжественной встрече победителей, которую готовил Меншиков. На переднем плане — русские галеры, сопровождающие плененные шведские суда. Процессия изображена на фоне палат, триумфальных ворот у пристани, возведенных в честь праздника, салютующих пушек и зрителей. На заднем плане видна вся усадьба Меншикова с Посольским дворцом, церковью, домами служащих, садами и огородами.

Две раскрашенные гравюры на восточной стене напоминают о наиболее значительных сухопутных сражениях Северной войны, в которых отличился Меншиков: «Сражение при Лесной 28 сен-

План первого этажа

1. — Начало экспозиции
2. — Служебное помещение
3. — Поварня
4. — Токарня
5. — Покой для дежурных матросов и гребцов
6. — Большая палата
7. — Большие сени
8. — Кордегардия
9. — Парадная лестница

тября 1708 года» Н. Лармессена и «Сражение под Полтавой 27 июня 1709 года» Ш. Симоно. Гравюры исполнены по заказу Петра I с картин П. Д. Мартена-младшего в 1724 году в Париже.

Гравюры на южной стене изображают свадьбу царского шута Феофилакта Шанского в 1702 году во дворце Лефорта (позже Меншикова) в Москве (А. Шхонебек, 1705 год) и свадьбу Петра I и Екатерины в 1712 году в зале только что возведенного Зимнего дворца, где главным распорядителем выступал князь Меншиков (А. Ф. Зубов, 1712 год).

Поварня. Назначение этого помещения было установлено в процессе реставрационных работ во дворце только в 1978—1979 годах. На месте двух комнат, одна из которых служила коридором, был раскрыт кирпичный свод, входивший ранее в состав большого очага. Этот свод — не что иное, как огромный вытяжной колпак над бывшей печью. Он «подвешен» на деревянной балке и опирается на металлическую тягу, поддерживаемую двумя стойками-ухватами. Справа от выхода из помещения в Большие сени можно увидеть расчищенный участок металлического крепления свода.

В этом помещении располагалась одна из многочисленных поварен дворца, которая обслуживала приемы.

Во дворцах Петровского времени обязательно имелась поварня, в отделке которой использовались мрамор, изразцы и другие дорогие и редкие материалы. Такие «парадные кухни» размещались не в отдельной пристройке, как в XVII веке, а рядом с приемными и другими парадными и даже жилыми комнатами, как, например, в Монплезире и Летнем дворце Петра I. Печь в поварне восстановлена по аналогиям с использованием сохранившихся подлинных кирпичей.

Пол в белую и черную клетку из мрамора и гранита воссоздан по рисункам полов первой четверти XVIII века в соответствии с описанием отделки поварни в Ораниенбаумском дворце Меншикова. В поварне экспонируется русская и привозная кухонная дворцовая утварь первой трети XVIII века, изготовленная из меди, олова, стекла, керамики и дерева, в том числе большая лохань из цельного ствола липы.

Токарня. Вторая дверь из служебного помещения ведет в покой, где создана экспозиция дворцовой токарной мастерской. В покое сохранились первоначальный сомкнутый свод и форма окон. В связи с развитием точных наук и достижениями механики в богатых домах Европы начала XVIII века появилось модное увлечение — домашние токарни. Известно, что Петр I всерьез увлекался токарным делом. Имелись токарные мастерские и в домах Меншикова; вплоть до 1727 года у него работали токари Федор Иванов и Филипп Архипов.

Токарни во дворцах служили не только мастерскими, где можно было вытачивать изделия из дерева, кости, черепахи, янтаря, но и своего рода кабинетами, которые охотно показывали гостям,

так как наличие токарни свидетельствовало о широких интересах хозяина дома и его просвещенности. У Меншикова в токарне мог работать и царь, бывший частым гостем в доме губернатора. Станки и инструменты для княжеской токарни заказывались и покупались в Германии и Англии, а со временем их стали делать и в Петербурге.

В токарне представлен станок «овалистый», изготовленный в Петербурге в 1713 году при участии А.К.Нартова, токаря Петра I. На станке, кроме прочего, можно было покрывать особым гильоширным (прорезным) узором поверхности шкатулок и табакерок. После смерти Петра станок находился в Кунсткамере, где пострадал от пожара в 1747 году. При этом были утрачены некоторые детали: маховое колесо, суппорт и приспособления для реза.

В шкафах-витринах, заново изготовленных по чертежам 1720-х годов, собраны токарные инструменты первой четверти XVIII века, сохранившиеся в большом количестве в Эрмитаже.

В шкафу у южной стены собраны образцы токарных изделий из собрания Кабинета Петра Великого, образованного в Кунсткамере после его смерти: костяные медальоны в профилированных рамках с погрудным изображением апостола Андрея Первозванного и портретом Петра I; табакерки с гильоширным орнаментальным узором, чаша и тарелки из пальмового дерева. Такие изделия выполнялись на «медальерных», «боковых» и других станках, которые могли находиться в токарне.

В шкафу у восточной стены выставлены разнообразные инструменты, бывшие в обиходе в то время: солнечные часы разных конструкций, в том числе с компасом, астролябия — угломерный прибор для определения широты и долготы по небесным светилам и для геодезических работ, различные весы и магниты.

По сторонам шкафа — два дубовых стола русской работы, исполненных по распространенному в то время европейскому образцу. Возле станка кресло, обитое тисненой кожей, и сундук русской работы для хранения ценностей, целиком выполненный из металла. Крышки и стенки сундука декорированы накладными пластинами в виде стилизованных листьев и цветов, и он снабжен уникальным замком: поворот ключа открывает одновременно 26 ригелей.

Стены токарни украшены гравюрами. На северной стене — гравюра «Торжественное вступление русских войск в Москву после Полтавской победы» (П.Пикарт, 1710—1711 годы), на восточной — «Сражение при Гангуте 27 июля 1714 года» (А.Ф.Зубов, 1715 год) и «Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский» (А.Ф.Зубов, 1720-е годы).

У южной стены, на резном ореховом постаменте, установлена высокохудожественная модель знаменитого корабля «Штандарт».

В октябре 1702 года Меншиков отважно сражался во время штурма крепости Орешек (Нотебург), переименованной царем в Шлиссельбург — Ключ-город. Этим «ключом» был вновь открыт водный путь в Западную Европу, и по поручению царя Меншиков занялся поиском места для строительства корабельной верфи. Спустя четыре месяца на реке Свирь была заложена Олонецкая верфь, а в марте 1703 года на верфи по приказу Меншикова, кроме других кораблей, был заложен 28-пушечный фрегат, получивший название «Штандарт» в честь нового царского военно-морского флага — штандарта, введенного в этом году (поднимался на грот-мачте при прибытии царя на любой корабль). «Штандарт» строился опытным голландским мастером Геренсом и его русским помощником Немцовым по чертежам, выполненным Петром I совместно с Геренсом, и под наблюдением царя. Фрегат был спущен на воду в августе 1703 года, а в сентябре Петр I сам привел его в Петербург.

При создании Петровского флота вместе с чертежами кораблей выполнялись и их модели, которые нередко украшали дворцовые интерьеры. Модель «Штандарта» выполнена в масштабе 1 : 48 из различных пород дерева мастером судомоделистом Г.А.Атавиным. Чертежи реконструкции корабля Петровской эпохи выполнены инженером-кораблестроителем В.Г.Крайнюковым на основе архивных материалов и методик судостроения рубежа XVII и XVIII веков, в их числе труда Петра I «Генеральные регулы кораблям всех рангов».

Токарню освещает медное паникадило русской работы начала XVIII века на 12 рожков-свечей, декорированное литыми орлами.

Покой для дежурных матросов и гребцов находится за дверью в южной стене токарни. Здесь матросы и гребцы находились в постоянной готовности, обеспечивая перевоз князя и его гостей. Мостов в Петербурге тогда еще не было и добраться до Адмиралтейского, Городового и других островов можно было только по воде. У Меншикова были свои парусные и гребные суда, на которых в 1726 году служили русский и голландский шкиперы, 47 матросов и гребцов. Из четырех окон открывался широкий обзор, и можно было видеть приближающиеся суда с гостями или барку самого хозяина, украшенную балдахином из алого бархата с княжеской короной наверху.

Покой с сохранившимся крестовым сводом сложной формы не имел богатой отделки: стены выбелены известью, окна закрываются сосновыми ставнями, дощатая дверь простой плотничной работы, а пол настлан широкими сосновыми досками. Столы и лавки русской работы в соответствии с назначением покоя так же просты и добротны. На большом дощатом столе — корабельный компас работы лондонского мастера Г.Селлера, а на дубовом столике — ларец для бумаг, обитый просечным железом, созданный великоустюжскими мастерами, над ним квадрант — угломерный

астрономический инструмент для измерения высот небесных светил. У выхода висит переносной слюдяной фонарь. В юго-западном углу — икона покровителя моряков Николая Чудотворца.

В покое представлены уникальные экспонаты — подлинные костюмы из гардероба Петра I: одежда голландского матроса, мундир офицера Преображенского полка и шкиперский костюм из черного бархата. В наряде шкипера Петр I бывал на маскарадах у князя Меншикова.

Большая палата. Дверь из токарни ведет в Большую палату, которая первоначально и служила для парадных приемов. Осенью 1711 года, через полтора года после начала строительства, здесь было отпраздновано новоселье, а зимой игрались свадьбы петровских вельмож.

Интерьер палаты реставрирован в том виде, в каком он существовал в первый период строительства дворца, включая плоское перекрытие потолка 1710 года, подлинный фрагмент которого виден в северо-восточном углу, глубокие арочные оконные проемы в нишах со ставнями и мраморный черно-белый пол. Подобное плоское деревокирпичное перекрытие сохранилось лишь во дворце Меншикова. Кирпичи, заклиненные между деревянными балками, усиливали перекрытие, обеспечивали гладкость оштукатуренной поверхности потолка по последней европейской моде и улучшали пожарную безопасность здания.

Для придания пышного облика интерьерам палат, имеющим простую отделку, служили шпалеры — тканые ковры ручной работы из шерсти и шелка. Производство их было очень трудоемким — лучший ткач мог сделать за год не более квадратного метра. Славилась шпалеры Франции и Фландрии. Они были весьма дороги и попадали в Россию в качестве дипломатических подар-

ков или редких приобретений, поэтому ими украшали и утепляли стены в домах только очень богатые люди.

К концу 1720-х годов по инициативе Петра I и при участии Меншикова производство шпалер было налажено на Петербургской мануфактуре. В перечне имущества, конфискованного у Меншикова в 1727 году, упомянуто «50 больших и малых шпалер стенных шерстяных». Большую палату украшает уникальный ансамбль из пяти шпалер французской работы 1677 года, изображающих сюжеты из истории македонского царя Персея (по сочинениям Плутарха).

Парадный облик палаты подчеркивают два массивных ореховых шкафа. Это классический тип подобной мебели, изготовлявшейся в начале XVIII века в Данциге и некоторых других германских городах. В них хранили одежду, белье, посуду, книги. На шкафах по моде того времени поставлены парные мраморные бюсты — Нерона и его учителя Сенеки и двух неизвестных римлян (итальянская работа конца XVII или начала XVIII века).

В центре палаты — стол, покрытый ковром персидской работы, и два резных из тополя и крытых бархатом итальянских кресла, которые ставили только для хозяина и хозяйки или особо именитых гостей. На столе большая серебряная чаша-лохань весом 14 кг амстердамской работы 1714 года, а над столом — великолепное медное паникадило на 16 рожков также из Амстердама.

Богатый убор палаты дополняют скульптура и живопись. У окон стоит античная ростральная колонна. Этот символ морских побед, хорошо понятный людям Петровской эпохи, органично вошел в жизнь молодой столицы, вставшей неодолимой для врагов крепостью на отвоеванных морских рубежах.

Две декоративные скульптуры — овалыные барельефы на мраморных постаментах, изображающие игры детей, и бюст сатира из цветного мрамора и кварца — выполнены римскими мастерами в конце XVII или в начале XVIII века. Мраморную скульптуру «Нога колосса» с пальцами из оникса итальянской работы XVII века можно отнести к «раритетам» — редким предметам для собирательства.

Двери в западной стене завершают наддверные живописные украшения — десюдепорты «Аллегория живописи» и «Аллегория музыки и поэзии» кисти известного голландского художника Якоба де Вита (1695—1754 годы). Они выполнены в технике гризайль и имитируют лепные рельефы.

Украшением палаты является стол итальянской работы (около 1700 года) с верхней шиферной доской. Доска декорирована мозаичным орнаментом из вьющихся листьев аканта и птиц. Мозаика исполнена из цветных мастик в технике «скалиола» (по имени ее изобретателя). На столе — часы парижской фирмы Делорм в великолепном бронзовом золоченом корпусе конца XVII века.

Смешение во дворце предметов разного происхождения — характерная черта Петровского времени, когда Россия широко распахнула «окно в Европу», и корабли многих стран привозили товары в Петербург.

Большие сени. Дверь в восточной стене ведет в Большие сени. Здесь был главный вход во дворец. Архитектура и отделка сеней сохранили первоначальный облик и почерк первого архитектора дворца Д.М.Фонтана.

Фонарь первой трети XVIII века перед входом, медные стенники с чеканным растительным орнаментом (современные копии

оригиналов начала XVIII века), античные статуи в нишах и окраска стен «на вид мрамора» (воссоздана по сохранившимся фрагментам художниками-реставраторами под руководством О.Р.Кожуховского) представляют убранство парадного входа во дворец по описям того времени и другим архивным документам.

Скульптуры установлены согласно представлениям об их месте в убранстве дворцов и символике богов и героев, принятых в европейской культуре. Центральное место у парадной лестницы на фоне светлой двери, ведущей во двор и сад, занимает Аполлон — бог солнца и покровитель искусств. В эпоху просветительства (вторая половина XVII — первая половина XVIII века) он — один из почитаемых античных богов; часто именно в виде Аполлона изображали земных монархов. По преданию, скульптура найдена на Пелопоннесе в Греции.

В нишах восточной стены (справа от входа в здание) установлены статуи «Герой» и «Геракл»; в нишах западной стены — «Парис» и «Флора». Вся эта скульптура — римской работы I—II вв. н.э. — прошла первую реставрацию в мастерских итальянских скульпторов XVII — начала XVIII века. «Герой» — одна из самых первых приобретенных античных скульптур, наиболее хорошо и полно сохранившаяся. Воспроизведенный римским скульптором героизированный образ человека восходит к греческим образцам III века до н.э. Состояние мрамора свидетельствует о том, что его касалось пламя.

Парис (голова изваяна в XVII веке) — один из наиболее известных античных образов; в XVII веке он воспринимался как выражение борьбы противоречивых человеческих страстей — стремлений к славе, мудрости или к удовольствиям. Символика богини весны Флоры, супруги Геракла на Олимпе, — близка духу

Петровского времени — стремлению к обновлению своей страны.

Геракл — олицетворение человека, своими трудами и подвигами на земле достигшего божественных высот Олимпа, а браком с богиней весны породнившегося с богами. Античный Геракл (библейский Самсон) с львиной шкурой и палицей в Петровское время воспринимался как символ русской победы (изображение льва входит в герб Швеции).

В сенях находятся также скульптуры начала XVIII века «Венера в раковине» (одного из французских скульпторов — братьев Кусту) и «Диана с амуром и собакой» (венецианца Дж. Торрети) из собрания Петра I.

Кордегардия. Симметрично Большой палате, справа от входа во дворец, находилось, как свидетельствуют документы, помещение для почетной охраны — кордегардия. Здесь сохранился сводчатый потолок, а два столба, поддерживающие своды, выполнены в духе традиционной русской каменной архитектуры второй половины XVII века.

Экспозиция кордегардии посвящена теме военных реформ Петровского времени, активным участником которых был Меншиков. В ней представлены столик для дежурного офицера, большой раздвижной стол русской работы, сундук и обитые кожей стулья голландского типа, знамя пехотного полка и композиция из русского, западноевропейского и восточного оружия — протазанов, кирас, шпаг, шлемов, пистолетов и пороховниц. На столике офицера — деревянный сундучок для хранения письменных принадлежностей, табакерка, украшенная финифтью чернильница и медный подсвечник. На стене — часы-ходики голландской работы конца XVII — начала XVIII века, декорированные литым из олова и раскрашенным растительным орнаментом, и картина гол-

ландского художника XVII века Якоба Кейпа «Двое военных за завтраком».

В шести смежных с кордегардией сводчатых комнатах размещаются временные выставки.

Парадная лестница с широкими дубовыми ступенями двумя торжественными маршами ведет из Больших сеней в парадные покои дома. Она необычно просторна и светла по тем временам, ибо устроена во всю высоту дворца и освещена 21-м окном в два света.

Лестница сохранила в основном облик первой трети XVIII века и архитектурно-декоративное решение в стиле Петровского барокко: пилястры, ритмично членящие стены, колонны на площадке второго этажа с резными капителями белого камня из пышных листьев аканта. Филенки над окнами второго света сохранили фрагменты в технике гризайль первой трети XVIII века на аллегорические темы. Роспись стен «на вид мрамора», украшавшая раньше лестницу, воссоздана при реставрации. Потолок, декорированный пышной орнаментальной лепкой с вензелем Елизаветы Петровны, относится уже к периоду размещения во дворце Кадетского корпуса, ибо известно по документам, что первоначальное перекрытие лестницы имело нечто вроде светового остекленного проема.

Подлинный подвесной фонарь принадлежит к тем типам фонарей, которые использовали для освещения парадных лестниц и вестибюлей в первой трети XVIII века. Это один из ранних образцов осветительных приборов с применением хрусталя, который еще только учились изготавливать.

В окнах по периметру трех стен воссозданы первоначальные дубовые переплеты с мелкой расстекловкой, а подоконники укра-

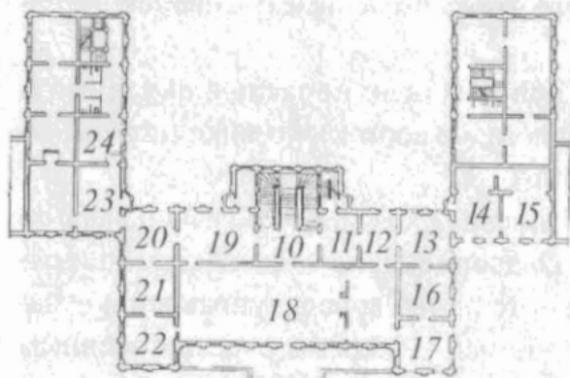
шают изразцовые валики с синим растительным орнаментом — деталь примечательная и уникальная, так как она неизвестна ни в одном из дворцов той поры. Впрочем, тогда не было и подобных лестниц. Известная парадная дубовая лестница в Большом Петергофском дворце (сгоревшая в годы Великой Отечественной войны и ныне восстановленная) гораздо меньше по размерам и освещенности. Кроме того, она одномаршевая и расположена не в центре здания, а сбоку от вестибюля.

Лестницы, подобные меншиковской, но еще более торжественные и роскошно отделанные, появятся в петербургских дворцах только в середине века, когда достигнет расцвета творчество архитектора Ф.Б.Растрелли.

Парадные сени. Парадные сени второго этажа включены в объем парадной лестницы и служат как бы ее продолжением. Вход в сени решен в виде трехчастной арки, а стены вокруг лестницы образуют как бы внутренний итальянский дворик. Воссозданные при реставрации пилястры и арки членят стены, только они не реальные, а нарисованные на стенах для создания иллюзии объемных архитектурных деталей. Подобная архитектурно-декоративная роспись — один из первых известных нам примеров в зодчестве Петровской эпохи.

На площадке сеней сохранились мощенные камнем полы и две металлические кованые решетки балюстрады с четко читаемыми переплетенными вензелями Петра I (Petrus Primus) и Александра Меншикова. Решетку тоже следует отнести к уникальным деталям первоначальной отделки. Она свидетельствует как о высоком уровне обработки металла в Петербурге того времени, так и о месте и значении дворца как культурного центра города, где генерал-губернатор от имени Петра I должен

План второго этажа

- 10. — Парадные сени
- 11. — Прихожая (конторка)
- 12. — Передняя
- 13. — Предспальня
- 14. — Кабинет из прихожей
- 15. — Варварин покой
- 16. — Спальня князя
- 17. — Ореховая
- 18. — Большой зал
- 19. — Западная передняя
- 20. — Западная приемная
- 21. — Спальня княгини
- 22. — Кабинет с живописью
- 23. — Портретная
- 24. — Прихожая

был устраивать торжественные приемы дипломатов и празднества по случаю побед. Свидетельствует решетка и о близости хозяина к Петру I, которую он стремился всячески подчеркнуть. Известно, что эти переплетенные вензеля были включены не только в декор дворцов, но и в рисунки партерных цветников в садах Меншикова.

По сторонам центральной двери в Большой зал установлены две скульптуры мальчиков, аллегорически изображающие Африку и Азию. Подобные сюжеты — аллегии стран света, времен года и стихий — были очень модны в искусстве того времени. Скульптуры выполнены в 1689 году известным голландским скульптором Б.Эггерсом, работавшим в Берлине при дворе курфюрста Фридриха Бранденбургского, и могли быть подарены курфюрстом Петру I во время его пребывания в Берлине.

Сени расположены по центру второго этажа и связывают все помещения дома. Кроме того, ранее сообщение между многочис-

ленными покоем дворца осуществлялось по наружной галерее, устроенной на уровне второго этажа по периметру дворового северного фасада.

С площадки нынешних сеней можно попасть в парадные и жилые помещения хозяина (слева, на восток), хозяйки (справа, на запад) и в Большой зал (прямо).

Прихожая (конторка). Половина хозяина дома начиналась со служебных комнат, так как во дворце он не только жил, но и работал, «правил дела» по строительству города, управлению краем, руководству Военной коллегией — первым русским военным министерством.

Обстановка прихожей дает представление о рабочем помещении, где хранились документы канцелярии Меншикова и находились дежурные писари и денщики: добротный стол из ореха, выполненный в северной Италии в середине XVI века, на нем медная чернильница с финифтью, латунный подсвечник (оба русской работы начала XVIII века), костяные счеты из Холмогор в деревянной рамке токарной работы и книги — «обманки» (такие иллюзии были в большой моде в XVIII веке — вырезанные из дерева и раскрашенные книги, фигуры арапов или служанок могли служить указателями назначения помещения, направления движения или просто заменой реалий).

Бумага, лежащая на столе, — это копия документа с личной подписью князя.

Ясневый шкаф с набором по английскому образцу, сундук и дубовый стул созданы русскими мастерами. На стенах — медные стенники и гравюры, запечатлевшие битвы Северной войны. На северной стене — гравюра П.Пикарта 1707 года, представляющая Меншикова в сражении при Калише. Победой в этом сражении в

*А.Д.Меншиков на фоне сражения при Калише.
Гравюра. П.Пикарт. 1707*

октябре 1706 года, о которой Петр I писал, что она доставила ему «неописанную радость» и что такой «еще никогда не бывало», началась блестящая военная карьера Меншикова. Впервые самостоятельно командуя войском и проявив находчивость и хладнокровие, он на деле показал свои военные способности. Петр I присвоил ему звание полковника гвардейского Преображенского полка, а в 1707 году — титул светлейшего князя. На восточной

стене — «Петр I при Полтаве» А.Ф.Зубова и «Штурм русскими войсками шведской крепости Нотебург в октябре 1702 года» А.Шхонебека, который посвятил свою работу «Превосходительнейшему и благороднейшему господину Александру Даниловичу Меншикову... плененного града управителю». Гравюра М.Бакуа на южной стене, выполненная в 1722—1724 годах, изображает Гангутский бой — одну из первых блестящих побед молодого Балтийского флота. Рядом с ней — «Сражение при Лесной 28 сентября 1708 года» Н.Лармессена. Обе гравюры сделаны по картинам П.Д.Мартена-младшего. На западной стене — гравюра «Фейерверк в честь короля Польши Яна III». Над столом — редкий экземпляр настенных часов-ходиков, изготовленных в Англии в мастерской Э.Стентона в 1670-е годы. Время учились ценить: упоминание о том, что дела следует выполнять «с поспешением», встречается во многих документах.

Хозяин и сам успевал многое, даже «ведать нанятых иностранных и мастеровых, чтоб... праздны не были и... работу свою показывали... чтоб можно было видеть, за что им деньги такие великие даютца».

Передняя. В передней работал один из обер-секретарей Меншикова. Одна из дверей комнаты вела в парадную приемную князя, другая — в деловую приемную-предспальню. Возможно, именно здесь секретарь вел «Юрнал» Меншикова. Сохранившиеся на потолке лепные медальоны с изображениями богинь плодородия и правосудия могут быть истолкованы как девизы дома генерал-губернатора.

Великолепный шкаф-бюро из резного наборного ореха выполнен североитальянским мастером в XVI — первой половине XVII века. Он создан по типу архитектурного сооружения — с

антаблементом и фризом, с бюстами римских императоров и героев. Фигуры на углах изображают персонажей античной мифологии — бога морей Нептуна, Геракла и воинов. На откидной доске — настольные часы довольно редкой восьмигранной формы, изготовленные в Лондоне в начале XVIII века и украшенные бронзовыми маскаронами и растительным орнаментом, медная чернильница московской работы рубежа XVII и XVIII веков с финифтяным орнаментом и гравированный план Петербурга начала XVIII века.

Большому бюро вторит маленький переносной кабинетец на дубовом рабочем столе, выполненный в то же время и в том же стиле и предназначенный для хранения денег, документов и разных мелочей. На столе стоит латунный подсвечник на фигурной ножке и лежат несколько книг, напоминающих об огромной библиотеке Меншикова. В передней представлены два дубовых стула русской работы и характерные для того времени кресла: одно обитое расписной кожей, другое резное с камышовым сиденьем.

На стенах передней развешаны гравюры. Над столом — «Княжества Ингермоландского чертеж». Это выполненная А.Шхонебеком и П.Пикартом в 1705 — 1706 годах карта древней Ижорской земли, которой управлял генерал-губернатор Ингерманландии, герцог Ижорский Меншиков.

На северной стене можно видеть лист из первого российского научного календаря, составленного и изданного в Москве в 1709 — 1715 годах В.О.Киприяновым под наблюдением математика и астронома Я.В.Брюса. На южной стене — учебная таблица «Новое небесное зеркало», изданная московской типографией В.О.Киприянова в 1717 году и отражающая научные представления об астрономии того времени.

Большие сдвоенные гравюры с видами городов Утрехта, Лейдена, Вроцлава и Кракова входили в состав альбомов — «Атласов», изданных в Амстердаме в XVII веке. Гравюры пользовались успехом еще в XVI веке, выполняя роль своеобразных путеводителей, так как делались частично с натуры и запечатлевали достопримечательности городов, а иногда на переднем плане и какое-нибудь реальное событие. Так, на листе с видом Кракова изображен въезд польского короля в Вавельский замок. Все эти города были знакомы Меншикову по его путешествию с Петром I и по Северной войне.

Над бюро — раскрашенная гравюра с панорамой центральной части знаменитого Версальского парка.

Предспальня — прихожая перед парадной спальней, служила деловой приемной генерал-губернатора. В ней он слушал доклады секретарей и принимал своих непосредственных помощников.

Мебель и другие предметы убранства приемной характеризуют назначение комнаты и богатство хозяина дома.

Крашенный под черное дерево ореховый комод с резными фигурами, изображающими библейскую историю об избииении младенцев римскими воинами, искавшими Христа, — итальянской работы конца XVII века, о чем свидетельствует герб дома Медичи. Именно в то время комод как новый тип мебели появился в Европе. Амуры на дельфинах, трубящие в рог, выполнены в духе ренессансных традиций.

На комодe — две вазы начала XVIII века из Дельфта, выполненные в китайском стиле, — одни из самых модных и дорогих украшений дома. Поиски секрета изготовления китайского фарфора привели мастеров-голландцев к созданию знаменитого фаянса превосходного качества.

В простенке над комодом — зеркало в затейливой посеребренной металлической раме, а над дверями — три картины конца XVII века голландца А.Хуфа и мастеров круга Ж.Куртуа со сценами сражений и борьбы всадников.

В углу — напольные часы в деревянном раскрашенном (первоначально в синий цвет) футляре с золоченым орнаментом. На передней стенке футляра — два живописных женских портрета и гравюры с изображением кораблей и библейской сцены. Часы сделаны в Лондоне в конце XVII или в начале XVIII века в мастерской Д.Драри. Они показывают часы, минуты и имеют музыкальный механизм. Подобные часы были новинкой даже в начале XVIII века и представляют собой очень редкий сохранившийся до наших дней предмет дворцового убранства.

Весьма интересна первоначальная окраска футляра часов, выявленная реставраторами, — синяя с золоченым орнаментом. Этот яркий красочный облик футляра вполне соответствует интерьерам дворцов Петровского времени. Тогда для окон, дверей, полов и облицовки стен использовали, как правило, дешевые породы дерева — сосну и березу. Различные же декоративные эффекты достигали раскраской дерева — либо в яркие тона с серебрением или золочением, либо под дорогие породы. Облицовки из натурального ореха, дуба или чинары были редки и ценились чрезвычайно высоко.

Горка-витрина для парадной посуды выполнена в Голландии в первой трети XVIII века из ореха с набором из редких пород дерева. В Голландии впервые было освоено производство подобной мебели, украшенной характерным орнаментом из ваз с букетами гвоздик, роз и тюльпанов в сочетании с раковинами, попугаями и бабочками. Такая мебель была дорогой и весьма редкой. Сложную реставрацию ее, как и всей мебели экспозиции, выполнили столяры-краснодеревцы Эрмитажа Н.Г.Киселев, В.В.Кашеев, В.А.Градов, В.Н.Базылев, Э.Г.Бернштейн.

Лучшую посуду — серебряную, фаянсовую, стеклянную — по старому обычаю выставляли напоказ, но не только к праздникам, как раньше, а повседневно. В горке — образцы серебряных изделий русской и аугсбургской работы начала XVIII века, в том числе золоченые с гравировкой кубки, чарки, кружки и чайники. Над горкой — серебряное блюдо с мифологической сценой «Минерва вводит Живопись в круг Искусств».

Рядом стоит стол модной тогда овальной формы, покрытый редким безворсовым шерстяным ковром северокавказской работы рубежа XVII и XVIII веков, на столе — латунный подсвечник начала XVIII века.

Стулья, обтянутые тисненой кожей и обитые гвоздями с крупными медными шляпками, создающими характерный орнамент, в XVII — начале XVIII века изготавливались в Голландии и Фландрии. Кожу для них с великолепным тисненым орнаментом в стиле гротеск поставляли в основном мастерские Португалии и Испании.

Возле изразцовой печи, заменившей в 1740-е годы существовавший ранее камин, стоит дубовое кресло начала XVIII века необычной угловой формы, а на стене — предполагаемый портрет младшего сына хозяина дворца — Александра, продолжившего род светлейших князей Меншиковых.

Стены предспальни украшают фамильные портреты, подвешенные на цветных муаровых лентах по моде того времени. Над столом — изображения хозяйки дома княгини Дарьи Михайловны и хозяина кисти неизвестных художников 1720-х годов.

Строго и надменно смотрит со стены своей приемной Александр Данилович Меншиков, запечатленный в военном мундире со знаками высших орденов России, Польши и Пруссии, в расце-

те его столь блистательной и переменчивой судьбы. Среди немногих сохранившихся прижизненных портретов Меншикова (в настоящее время их известно 13) этот, наряду с бронзовым бюстом, исполненным знаменитым скульптором Б.К.Растрелли, воплотил в живописи наиболее достоверный облик князя. Мы не ощущаем в этом портрете жизнерадостного нрава, который отмечал и любил в нем Петр, постоянно упоминая в своих письмах к Меншикову о «тоске разлучения» с ним, о том, что «ныне все веселие вы от нас увезли», и о желании «радного паки свидания». Но эта черта характера Меншикова, очевидно, проявлялась в общении с близкими. Высокородное боярство и особенно иностранные дипломаты подчеркивали прежде всего надменность «светлейшего».

С течением времени имя художника было забыто, однако портрет сохранился в царской коллекции с середины XVIII века, что свидетельствует в пользу его подлинности и ценности.

На западной стене — портреты дочерей Меншикова Александры и Марии, приписываемые кисти И.Г.Таннауэра.

Для отделки стен и потолка предспальни использованы плитки с пасторальными сюжетами. Всего в интерьерах дворца насчитывается 27810 расписных плиток. Около восьмидесяти процентов их сохранилось в первозданном виде от первой четверти XVIII века, остальные воссозданы при реставрации дворца в XIX веке (были специально заказаны в Голландии) и в процессе последней реставрации. Печь в предспальне облицована изразцами петербургской работы с изображениями букета цветов.

Как и другие парадные помещения дворца, предспальня неоднократно отделялась и украшалась заново при жизни Меншикова. В одном из углов потолка можно видеть фрагмент первоначальной росписи — «Ваза с пионами», выполненный,

*Мария, старшая дочь.
Холст, масло.
И.Г.Таннауэр (?).
1722—1723*

возможно, мастерами Оружейной палаты в 1710-х годах и раскрытой во время реставрации.

Кабинет из прихожей. Следующая за предспальной комната в документе 1732 года названа «Кабинетом из прихожей». Стены и потолок комнаты убраны плитками с росписями на пейзажные темы. Печь у восточной стены облицована плитками, выполненными на петербургских заводах в 1716—1727 годах. На одной из верхних справа плиток печи изображено коронованное крылатое сердце, связанное с символикой герба Меншикова.

*Александра,
младшая дочь.
Холст, масло.
И.Г.Тайнхауэр (?).
1722—1723*

Стол в центре комнаты имеет необычную овальную столешницу, выполненную из цельного экзотического дерева — цедрелы с инкрустацией из других пород. Подстолье сделано из очень твердой южной акации (породы дерева были установлены в результате специальных исследований, выполненных учеными Лесотехнической академии).

Убранство комнаты отражает морские заботы и интересы Меншикова. На столе стоят серебряный кубок-кораблик, астролябия, исполненная в Нюрнберге в мастерской Н.Миниха, и уни-

кальный серебряный глобус из Аугсбурга, который принадлежал Петру I. Глобус выполнен в виде полого разъемного шара, внутрь которого вставлен под наклоном другой — с планетарной системой и изображением созвездий. Кроме того, глобус снабжен механическими и солнечными часами.

Центр северной стены занимает кабинет испанской работы XVII века из ореха, декорированного резьбой, позолотой и гравированными пластинками слоновой кости. Кабинеты на ножках-подставках становятся одним из наиболее характерных предметов мебели дворцов и замков с XVII века. Их многочисленные ящички, среди которых были и потайные, служили для хранения документов, денег и драгоценностей. Разнообразная роскошная отделка кабинетов делает их в ряде случаев законченными произведениями искусства; они очень ценились и нередко служили подарками.

Над кабинетом на стене — три блюда XVIII века из знаменитого валенсийского фаянса с росписью кобальтом и особым блестящим покрытием — люстром. На кабинете — две вазочки, а на полу — два бочонка для вина с такой же росписью.

По сторонам кабинета — два стула, обитых расписной кожей. Все сложные работы по реставрации уникальных кожаных обивок выполнены мастером Эрмитажа И.Л.Кудояровым. У овального стола — три стула русской работы разных европейских типов, распространенных на рубеже XVII и XVIII веков.

У западной стены на рабочем столике — карта Балтийского моря 1703 года (гравюра П.Пикарта), подсвечник и чернильница с эмалью русской работы, а также планисфера — прибор XVII века для определения времени восхода и захода небесных светил. В простенке южной стены — зеркало в резной раме. На

столике у восточной стены в кабинетце немецкой работы второй половины XVII века из черного и окрашенного дерева с гильоширным узором выставлена часть воссозданной по документам нумизматической коллекции Меншикова, насчитывавшей не менее 1500 русских, европейских и восточных монет и медалей. На кабинетце — настольные часы в квадратном латунном корпусе, изготовленные в 1663 году. Стены украшают картины на морские темы — «марины», которые были излюбленным жанром голландской живописи XVII — XVIII веков и очень нравились Петру I. Все представленные здесь «марины» ведут свое происхождение из живописного собрания Галереи Петра Великого в Академии наук. На картине «Вид гавани» Якоба Сторка (1641—1687) запечатлен праздник на воде в гавани Амстердама, а на картинах неизвестных живописцев типичные сюжеты — «Морской вид» и «Бурное море с парусниками».

Барварин покой замыкает анфиладу комнат восточной половины дворца. Покой состоял из двух комнат, вероятно, из спальни и кабинета; альков, как и в кабинете из прихожей, образован при реставрации в конце XIX века. Монограмма из переплетенных латинских букв под дворянской короной в изящном лепном орнаменте потолка свидетельствует о принадлежности покоя Варваре Михайловне Арсеньевой.

Плитковую отделку южной части покоя следует считать выдающейся по своим художественным достоинствам среди сохранившихся в Европе.

Рассматривая плитки, сплошь покрывающие стены и потолок, словно путешествуешь по Голландии рубежа XVII—XVIII века. Это пейзажи со шлюзами и каналами, жители, занятые повседневной работой, играющие дети и многое другое. Сохранившаяся в

покое изразцовая печь первой трети XVIII века также отделана бело-синими изразцами, но петербургской работы. В отличие от четко прорисованных голландских плиток рисунки на русских изразцах более мягки и живописны, а в изображениях сказочных птиц, аллегорических персонажей, цветов и домов ощущаются дух народного лубка и юмористическая окраска.

В спальном покое — кровать из ореха с резьбой. Такие кровати, характерные для Европы XVI — XVII веков, на высоком основании, со спинкой, украшенной рельефной резьбой, и кровлей на четырех столбиках, называемой «небом», появились в России в убранстве царских дворцов еще в конце XVII века. Северную стену в алькове за кроватью украшает великолепная шпалера фландрской мастерской второй половины XVII века на тему всемирного потопа. Она выткана в зелено-коричневых тонах, с богатым бордюром — рамой в виде гирлянд плодов и листьев. На кровати — расшитое турецкое покрывало начала XVIII века, а в ногах детский стульчик, обитый кожей.

Справа, у восточной стены, на туалетном столике, задрапированном шелком по моде того времени, выставлен дамский туалетный прибор, включающий 32 предмета изящной чеканной работы из серебра с золочением, изготовленный в Аугсбурге мастером И.М.Шоап в 1695—1700-х годах. Такие роскошные туалетные приборы вошли в моду с конца XVII века и исполнялись, как правило, только для самых богатых и могущественных закатчиков.

Возле столика — обитое шелком с растительным орнаментом ореховое кресло, изготовленное во Франции в начале XVIII века. Перед креслом стоит маленькая голландская медная грелка-жаровня для ног.

Дубовый с резьбой шкафчик второй половины XVII века у той же восточной стены украшает дельфтская ваза 1720 года с росписью в восточном стиле: птицы, порхающие в саду. Слева от кровати лежит книга, которой тогда пользовались ежедневно, — «Евангелие учительное» с надписью на последней странице, свидетельствующей о принадлежности книги к домово́й церкви Меншикова.

В западном углу за печью — двухъярусный ореховый резной поставец-шкаф южнонемецкой работы, а на нем часы, также немецкие, в фигурном корпусе из черного и окрашенного дерева, мастера Абрахама, 1695 года. Рядом, на полу, обитое кожей, переносное судно начала XVIII века — «нужное место», деталь быта того времени, сохранившаяся только потому, что принадлежала Петру I. Возле печи на стене висит грелка для согревания постели. Изображение подобной же грелки можно найти на плитках. Для раздувания огня в печах служили меха, исполненные в Италии из ореха и украшенные резьбой. Возле кровати — прелестный натюрморт с цветами (неизвестного художника), а на восточной стене — «Амуры и гении» знаменитого Н.Пуссена (копия того же времени) и «Святое семейство в венке из цветов» Н.Луара и Ж.Моннуайе. Французская живопись была редка в России того времени, но упоминания о ней встречаются в описях домов Меншикова.

В северо-восточном углу — икона Богородицы Тихвинской в окладе XVII века.

Спальня князя. Из предспальни вторая дверь ведет в спальню князя. Ее украшают редкие и дорогие предметы. Большой дубовый шкаф на высоких фигурных ножках-балясинах с набором из ясеня исполнен, вероятно, домашним мастером князя. Шкаф слу-

жил для хранения платья и также был новинкой в убранстве дворцовых комнат. Рядом, в простенке между окон, — сундук венецианской работы конца XVII века, обитый бархатом и украшенный металлическими просечными накладками с красивым узором. Сундук накрыт турецким ковриком начала XVIII века. Шкаф и сундук поступили в Эрмитаж из Меншиковского дворца и теперь вернулись в свой прежний дом, как и напольные часы.

Умывальный шкаф возле окна — великолепный редкий образец подобной мебели — исполнен, вероятно, в немецкой Швейцарии в первой половине XVII века из ореха с набором в технике мозаики из других пород дерева. Обращают на себя внимание красотой рисунка металлические узорные накладки и петли с гравировкой. На шкафу — праздничный умывальный прибор китайской работы: кувшин и блюдо в форме раковины из металла с цветной эмалью. Он изготовлен в первой трети XVIII века по европейскому образцу в г. Кантоне специально для продажи в Европе.

Справа от двери — зеркало в деревянной резной золоченой раме сочного растительного орнамента. Настенные зеркала в русском интерьере появляются в нарушение церковных установлений, поскольку любованье собой в зеркале считалось грехом, и еще в конце XVII века в домах русских бояр они хранились в специальных ларцах или закрытыми в ставенки и относились к предметам роскоши.

Центр западной стены занимают (вместо стоявшей здесь постели) столик и два стула, обитые тисненой расписной фламандской кожей. На столике — переносной кабинетец, состоящий из ящичков разных размеров. Он сделан в Испании в конце XVII века и обит цветной кожей с тиснением и золоченым орнаментом.

Кабинетec украшает диковинная раковина южных морей, оправленная в серебро и превращенная в заздравный кубок, а выставлены в нем медали и двое карманных серебряных часов, принадлежавших Меншикову. Часы сделаны в Англии в 1700—1720-х годах, украшены чеканкой, гравированными и эмалевыми портретами представителей английского королевского дома.

В декоре и убранстве спальни звучит эхо ратных дел, героем которых был Меншиков. Это и медали, выбитые на память о победах (среди них медаль в честь первой морской виктории 1703 года в устье Невы), и лепной декор потолка с орденскими знаками первого и главного российского ордена Андрея Первозванного, полученного за эту «викторию» поручиком Меншиковым вместе с царем; здесь же медаль в память о «неописанной радости» победы при Калише 1706 года.

Стены спальни покрыты голландскими плитками с пасторальными сценами и рисунками малых морских судов и украшены французской шпалерой из серии «Времена года», изготовленной на мануфактуре «Обюссон и Феллетен» в конце XVII или начале XVIII века.

Печь в спальне облицована изразцами второй половины XIX века при реставрации покоев.

Ореховая завершает анфиладу парадных покоев хозяина дворца. Она служила парадным кабинетом и местом для ведения секретных дел и приема наиболее важных гостей. Комната выглядит как командный мостик корабля, из окон которого была видна большая часть строящегося города. В проемах окон по обычаю того времени укреплены нарядные стенники из чеканной меди с гравировкой. Горевшие по вечерам свечи освещали таким образом и комнату, и фасад здания.

Здесь приходят на память слова Петра I, которыми он называл свое детище — российский новый город у моря: «Парадиз», «Эдем»; в его создании царь признавал А.Д.Меншикова «добрым причастником с ним купно».

«Благодарствую вашей милости за все труды ваши как для охранения тамошних краев, так и за строение...» — писал он в Петербург Меншикову в ответ на его доношения: «...Городовое дело управляется как надлежит...»; «В строении кораблей во всякой возможности поспешаем... Ныне заложил вновь 20 галер...»; «Гаванная работа в цитадели, хотя с превеликими неусыпными трудами... отправляется изрядно...»

Уникальная отделка стен кабинета — свидетельство мастерства не только приезжих европейских архитекторов, но и лучших новгородских и псковских столяров, исполнивших облицовку из «персицкого» ореха. Оттенки дерева в рисунке набора, ажурная золоченая резьба, ритм пилястр, живопись на потолке создают впечатление монументальности и изящества.

Отделке стен Ореховой и декоративному плафону с позолотой соответствует все убранство комнаты. Центральное место в ней занимает кабинет, декорированный черным и крашенным под черное деревом, черепахой и бронзовыми золочеными накладками-орнаментом. Его сюжеты и композиции: исполненные в стиле гротеск маскароны, фигуры дельфинов, nereид, бога морей Нептуна и богини мудрости Минервы — предпочитались всем другим в искусстве Петровского времени. Кабинет создан во Фландрии в середине — второй половине XVII века.

Над кабинетом — портрет Петра I кисти Яна Веникса (1642—1719), написанный в Амстердаме, в память о молодости и первом заграничном путешествии, когда будущий фельдмаршал Менши-

ков был просто царским денщиком и находился при нем неотлучно, познавая незнакомый мир, учился и получил в Голландии патент на звание корабельного плотника вместе с царем. На кабинете — орудийный квадрант со зрительной трубой французской работы начала XVIII века.

Резные золоченые стулья, обитые бархатом, сделаны в Италии. Стоящие на столике слева шахматы из янтаря (Пруссия, первая четверть XVIII века) свидетельствуют, что искусство шахматной игры имеет в России давние и глубокие корни. Эта игра пользовалась большой популярностью и во дворце. Здесь же — зеркало в янтарной раме.

Справа стоят напольные часы в ореховом наборном корпусе, исполненные в 1690—1710 годах английской фирмой «Фромантил и Кларк» на экспорт. Часы имеют уникальный механизм полчасового и часового боя. Они хранились у наследников художника Д.Н.Кардовского и, по семейному преданию, принадлежали кабинету-секретарю Петра I А.В.Макарову.

Ореховая отделка кабинета вместе с декоративным плафоном Пильмана на холсте составляют единственный в своем роде ансамбль интерьера первой четверти XVIII века, сохранившийся в Петербурге. Отреставрированный плафон вновь занял свое место на потолке в 1991 году, закрыв два расчищенных слоя более ранних росписей. Копия центральной части росписи — «Воин-победитель» временно выставлена в соседнем помещении, бывшей парадной приемной князя, ныне составляющей часть Большого зала. Туда ведет дверь в западной стене Ореховой.

Большой зал — главное парадное помещение дворца, центр композиции интерьеров второго этажа. Нарядная светлая с позолотой окраска, обилие окон и зеркал создают в зале торжественную атмосферу.

В марте 1714 года, еще до указа 1718 года об учреждении регулярных ассамблей, в зале состоялась одна из первых ассамблей в Петербурге, а в декабре того же года «машкарат» во дворце посетил Петр I в шкиперском платье. И в дальнейшем в зале устраивались различные праздники, торжества и дипломатические приемы.

За алтарной преградой, сделанной для церкви вместо прежней восточной стены в виде триумфальных ворот, видна огромная шпалера «Парнас». Она изготовлена в 1772 году в мастерской О.Г.Одрана на гобеленовой мануфактуре Парижа с фресок Рафаэля в Ватикане. На вершине Парнаса — играющий на скрипке Аполлон в окружении муз и великих поэтов, среди которых Гомер и Данте. На западной (алтарной) стене — два натюрморта с цветами голландских живописцев конца XVII века.

По сторонам центральной арки — два напольных деревянных белых с позолотой подсвечника с фигурами ангелов — купидонов (фигуры, исполненные в 1714 — 1717 годах, украшали еще первую церковь Меншиковской усадьбы).

Большие окна, обрамленные пилястрами, смотрят на Неву. Дверь ведет на балкон, где в первой трети XVIII века играли музыканты при встрече гостей, приезжавших во дворец. По сторонам двери — две декоративные мраморные вазы второй половины XVIII века.

В XVII—XVIII веках в богатых домах Европы для исполнения светской музыки получили распространение домашние органы — духовые кла-

вишные инструменты, которые до этого использовались преимущественно в храмах при богослужениях. По документам известно, что во дворце Меншикова было несколько органов. У западной стены зала стоит уникальный музыкальный инструмент, созданный в Англии в 1780-х годах (есть веские предположения, что он принадлежал светлейшему князю Г.А.Потемкину-Таврическому).

Инструмент включает в себя напольные часы, механический орган, работающий от заводной пружины, и небольшой духовой орган — «позитив» для домашнего музицирования. Сложнейшую реставрацию инструмента в 1985—1987 годах выполнили мастера-реставраторы Эрмитажа В.А.Градов, Э.Г.Бернштейн и А.И.Вайновский под руководством и при участии знатока органов и органной музыки Ю.Н.Семенова. И вновь, через 250 лет, на концертах в Большом зале Меншиковского дворца зазвучала органная музыка.

Арки на северной стене вместо бывших ранее зеркал украшают декоративные живописные полотна с изображением руин, выполненные французом Ж.Б.Лаллеманом (1770-е годы). В арках на западной стене — два пейзажа работы голландца Я.Трооста (1786 год).

Зал освещают 14 деревянных резных золоченых подсвечников-бра на пять свечей русской работы XVIII века и три хрустальные люстры, аналогичные тем, что украшали зал в конце XVIII века (сделаны в Австрии по образцу, сохранившемуся в Эрмитаже).

Западная передняя. Половина княгини начинается парадной западной передней, расположенной рядом с парадными сенями. Комната убрана уникальными предметами прикладного искусства.

Южную и северную стены передней украшают шпалеры из серии «Времена года», исполненные на французской мануфактуре «Обюссон и Феллетен» в конце XVII или начале XVIII века: «Весна» и «Осень» — на южной и «Зима» — на северной стене.

Центр южной стены занимает большое зеркало в ореховой резной раме на ореховом же подстоле; на нем — ларец аугсбургской работы, декорированный серебряной сканью и растительным узором из полудрагоценных камней. Такие ларцы — своеобразные домашние минералогические коллекции — очень ценились в то время. По сторонам зеркала на деревянных витых подставках-геридонах установлены серебряные подсвечники прибалтийской работы, а рядом — изготовленный в Риге большой серебряный кувшин.

Простенки северной стены украшают замечательные серебряные блюда аугсбургской работы с композициями на мифологические темы.

Описи имущества Меншикова свидетельствуют о наличии у него большого количества восточных предметов прикладного искусства и тканей.

Интерьеры «на китайский манер» — следствие острого интереса европейских стран к культуре загадочного и богатого Востока и развитию с ним торговых связей в начале XVIII века. Россия при Петре I начала налаживать торговые и дипломатические отношения с Китаем. Так, в 1719 году в Китай была направлена миссия капитана Измайлова с поручением выяснить возможность установления торговых связей. Вернувшись в 1722 году, капитан привез много подарков и приобретенных вещей — мебель, китайские и японские лакированные предметы быта, фарфоровую посуду, богатые ткани и тканые обои, чай и табак.

Восточная стена декорирована двумя медными стенниками, а западная стена и два поставца у нее — китайским и японским фарфором рубежа XVII и XVIII веков — тарелками, вазами, фигурками.

Обычай украшать интерьеры фарфором пришел в Россию из Западной Европы, где уже существовали специальные «порцели-

новые» (фарфоровые) кабинеты, в которых стены покрывали фарфоровые тарелки и блюда, а полочки занимали вазы разных размеров и мелкие фарфоровые фигурки. Большой популярностью пользовались украшающие стену тарелки с росписью, в гамме которой доминирует зеленый цвет, за что они и получили в Европе название «зеленое семейство».

Содержание росписей наполнено символами знатности и долголетия. На одной из тарелок изображена сцена с фигурами музыкантов, слуганок с опахалом, императора и двух чиновников на террасе павильона. Свободный уверенный рисунок, разнообразие фонов и обрамлений, точно найденное соотношение фона и основной композиции, а также умело подобранные цвета в полной мере дают почувствовать прелесть этих изящных росписей.

Японский фарфор из мастерских Арита, доставлявшийся в Европу через порт Имари (отсюда двойное название: фарфор Арита-Имари), отличается красочной гаммой, в которой доминирует синий цвет разных оттенков, сочетающийся с красным цветом и позолотой. Фарфоровые изделия необычайно разнообразны: это и напольные вазы, и так называемые каминные гарнитуры, блюда, чаши, а также мелкая пластика. Так же, как и в росписях «зеленого семейства», излюбленными мотивами фарфора Арита-Имари были деревья, цветы и птицы, которые позволяли полнее выявить декоративные возможности росписи. Прихотливо изгибающееся дерево сливы, цветы хризантемы и скалы изображены на одной из ваз, цветы гвоздики, пиона и хризантемы в саду у озера — на другой, цветущее персиковое дерево, павлины и скалы на третьей, а в обрамлениях растительные мотивы чередуются с изображениями летящих птиц и бабочек.

Над двумя дверями передней — натюрморты «Битая дичь» изысканной тонкой живописи голландского мастера В.Г.Фергюссона (1632/3 — после 1695 г).

Убранство комнаты завершают стулья европейского типа, обитые кордовской кожей с резным орнаментом, и медное паникадило на 6 рожков русской работы XVIII века.

Западная приемная. В документах первой трети XVIII века ни одно помещение во дворце не называлось столовой, поскольку столы накрывали и в Большом зале по праздникам, и в Ореховой, и в предспальне, и в приемных, в том числе в западной приемной. Иностранцы, писавшие о Петербурге Петровского времени, отмечали обилие угощения и изящество убранства столов во дворце Меншикова: «Стол по здешнему обычаю был убран великолепно».

В шкафу-горке наборного орехового дерева выставлены образцы восточной фарфоровой посуды для чая и кофе, тарелки, вазы, флаконы и фигурки львов. Рисунки, украшающие фарфор, отличаются точностью, изяществом, гармонией красок и содержат символы добрых пожеланий. Такая посуда становилась популярной в Европе в первой четверти XVIII века и стоила недешево. В документах канцелярии Меншикова указано, например, что некий ореховый шкаф с китайской посудой светлейший князь купил сам за 160 рублей. Фигурки львов — хранителей престола Будды, помимо декоративного назначения, обладали и утилитарной функцией — они служили прессом для бумаг.

Простенок западной стены занимает резной дубовый поставец немецкой работы XVII века с подстольем, воссозданным при современной реставрации. Его двухстворчатый фасад разбит на поля сильно профилированными тягами. В центре ниши — аллегорическая фигура «Милосердие», а угловые части украшены женскими фигурами, одна из них с атрибутами богини правосудия. На створках дворец изображены мифологические сцены.

Над поставцом — прекрасный натюрморт «Рыбы в корзине» известного голландского художника А. ван Байерена (1620—1690 гг.).

По обе стороны двери, ведущей в спальню княгини, — два столика из ореха, карточный и конфетный, и четыре стула. Все они исполнены в Голландии в еще редкой тогда технике набора из яблони и других пород дерева с изображением цветов и растительного орнамента.

У восточной стены на постаменте — скульптура арапки итальянской работы XVII века. Мастер удачно использовал античный торс из порфира, дополнив его черным и цветным мрамором.

Стены приемной декорированы китайскими расписными шелковыми обоями, которые можно отнести к редчайшим произведениям искусства, чудом сохранившимся до нашего времени. Такие обои еще в XVII веке поставляла в Европу из Китая Ост-Индская компания. Они ценились очень высоко и крепились в рамах, чтобы их можно было перемещать для украшения нужной части интерьера. В Петровскую эпоху в Петербурге появились интерьеры, полностью декорированные подобными обоями.

Есть основания считать, что эти единственные сохранившиеся обои украшали сначала интерьеры новых летних палат Петра I, находившихся в Летнем саду у Лебяжьей канавки. В царствование Елизаветы Петровны палаты были разобраны и перенесены в парк Екатерингоф. Обои находились на новом месте вплоть до 1920-х годов, затем были сняты и переданы в Эрмитаж для хранения.

Тончайший расписной шелк за свою трехвековую историю претерпел много испытаний. Видимо, его не раз натягивали на подрамники и снимали. Как время, так и наклейка обоев на мешковину, картон и газеты оказывали на ткань и живопись разрушительное действие. Возрождение уникальных обоев начала опытейший художник-реставратор тканей и живописи А.Б.Васильева. Предварительно лабораториями Эрмитажа, Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М.Сеченова и

Всесоюзного института растениеводства им. Н.И.Вавилова были выполнены анализы красок, пигмента и клея, структуры и состояния шелковых нитей. Это позволило определить способ обработки шелка, состав красок и клея и принять решение о реставрации обоев с соблюдением технологии, которую создали мастера XVI—XVII веков. Так, например, краски для восполнения утрат живописи готовились по старым китайским рецептам из малахита и других минералов, а связующее для красок — из плодов южного дерева фейцзаохе.

Научно обоснованная методика реставрации и напряженный творческий труд мастеров-реставраторов Эрмитажа А.Б.Васильевой, Л.Е.Ковалевой, А.Ф.Лякиной и М.Р.Каплий в течение 12 лет позволили украсить интерьеры дворца подлинными красочными обоями начала XVIII века.

Сюжеты росписи обоев почерпнуты из средневекового романа китайского писателя Сюй Чжи Линя «Возведение в ранг божеств», где описывается борьба между династиями Инь и Чжоу, правившими в Китае в XII веке до нашей эры. Роспись выполнена в лучших традициях китайской живописи. Располагая по вертикали горные отроги, художник добивается впечатления воздушной перспективы, а живописные сосны создают ощущение дикой природы, на фоне которой происходит борьба персонажей романа. Ряд изображений имеет аллегорический смысл: персики означают долголетие, а летучие мыши — счастье.

Приемную освещает медное паникадило русской работы на шесть рожков XVIII века.

Спальня княгини. Такими же обоями в золоченых рамках декорированы все стены в спальне княгини. Облик интерьера спальни воссоздан по гравюрам, аналогиям и сохранившимся деталям отделки. На обоях изображен изящный мир китайского пейзажа — горные отроги, сосны, речки с водопадами, летящие птицы и порхающие бабочки.

*Д.М.Меншикова.
Холст, масло.
Неизвестный художник.
1720-е гг.*

Кабинет-бюро у восточной стены, декорированный росписью золотом по черному лаку, исполнен в Японии по европейскому образцу, а во второй половине XVIII века отреставрирован русскими мастерами, овладевшими к этому времени техникой восточной лаковой работы. Северную и южную стены украшают два небольших чернолаковых кабинета китайской работы с росписью и часы на подставке в футляре, украшенном черным деревом и черепашьей панцирем с инкрустацией оловом и медью. Часы исполнены в Париже К.Райяром (первым) на рубеже XVII—XVIII веков. Медный циферблат часов поддерживает фигура крылатого старца — Сатурна. Коса и обвивающая ее змея в ногах Сатурна символизируют быстротекущее время, его бесконечность и губительную силу.

Механизмы всех часов во дворце впервые исследованы, отреставрированы и пущены в ход Л.Д.Райгородским.

Чай и кофе как напитки вошли в моду и стали употребляться в России в конце XVII — начале XVIII века. Для дома князя специально приобретались чайные столики «лакирной работы». Образец такого чернولاкового столика со съёмным подносом, расписанным золотом, находится у западной стены.

Угловые каминные вставки в приемной и спальне воссозданы на месте старых по аналогиям. В камине и на полу спальни — китайские и дельфтские вазы в китайском стиле.

Кабинет с живописью. Анфиладу трех комнат завершает кабинет с живописью. По размеру и расположению во дворце он аналогичен Ореховой. Поскольку сведения о его отделке не найдены, здесь будет воссоздана сохранившаяся во фрагментах первоначальная отделка Ореховой — деревянные панели, обои из голубого сукна и живописный плафон.

Проектные работы по архитектурной экспозиции интерьеров всей западной половины дворца выполняются архитектором Эрмитажа И.В.Бурковской.

Главное содержание экспозиции кабинета составляют 34 живописных произведения западноевропейских художников XVII — начала XVIII веков. Картины из фондов Эрмитажа размещены на стенах так, как их развешивали в первой половине XVIII века. Они образуют строго симметричную декоративную композицию и дают представление о тематике и качестве известного по документам живописного собрания Меншикова.

Поощряемый царем, князь покупал живопись на аукционах Голландии и Италии через своих агентов, а портреты царя, членов его и своей семьи, других лиц, картины сражений Северной войны заказывал инос-

транным и русским художникам, работавшим в Петербурге и Москве: П.Пикарту, Г.Музикийскому, Ж.Симону, И.Таннауэру, А.Зубову и другим. Французский путешественник, посетивший дворец Меншикова на Васильевском острове, отметил качество картин в Большом зале: «...там по обеим сторонам висели различные картины, вызывавшие восхищенные знатоков; среди картин были изображавшие Полтавскую битву и другие победы, одержанные русским оружием над Швецией».

Только в сохранившихся описях многочисленных домов Меншикова насчитывается 143 картины. Петр I, заказывая в Париже шпалеры, в письме Меншикову предлагает ему выбрать образцы «...из моих лутчих картин, а также и у себя поищите».

Сюжеты картин в кабинете живописи подобраны в соответствии с сохранившимися описями и модными темами того времени. Представлена голландская и фламандская живопись, а также итальянские и французские мастера.

На северной стене обращают на себя внимание картины из серии «Четыре стихии» — «Сбор урожая» (земля) и «Рыбный торг» (вода) из мастерской знаменитого венецианца Я.Бассано (1517—1592 г.).

Историческая тема представлена двумя работами придворного живописца Людовика XIV фламандца А.Ф. ван дер Майлена (1632—1690 г.) — «Выезд Людовика XIV» и «Мадам де Ментенон в карете», а мифологическая — картиной «Фетида в кузнице Вулкана» голландца Г.Донка, работавшего в 1627 — 1640-х годах. Библейским темам посвящены картины голландцев А. ван дер Верфа (1659—1722 гг.), «Положение во гроб» (восточная стена) и Л.Брамера (1596—1674 гг.), известного мастерством передачи искусственного света и игры теней, — «Ночная сцена» и «Обращение Савла» (западная стена).

Пейзажи и жанровые сцены изображены на полотнах ученика и зятя знаменитого Пуссена француза Г.Дюге (1615—1675 гг.)

«Пейзаж с пастухом и стадом» (восточная стена), голландцев Ф.Ваувермана (1619—1668 гг.) «Проезжие на привале» и К.Сафтлевена (1607—1681 гг.) «Скотный рынок» (западная стена).

Семью разнообразными картинами представлен любимый тогда жанр натюрморта. Среди них выделяется (на восточной стене) великолепное полотно «Персики на тарелке» фламандского живописца Я. ван Эса (1590—1666 гг.).

Центральное место в комнате в простенке южной стены занимает весьма редкое произведение мебельного искусства — кабинет с шестью живописными вставками, исполненными на мраморе неизвестным фламандским художником XVII века и изображающими всадников среди пейзажей. Кабинет сделан, видимо, в Северной Европе в XVII веке из окрашенного под черное дерева с гильоширным узором, а картины вставлены в рамы из натурального черного дерева. Подстолье украшают три майоликовые вазы итальянской работы рубежа XVII и XVIII веков.

Обстановку комнаты дополняют две скамьи, обитые кожей с тисненым растительным цветным узором; это также очень редкие сохранившиеся предметы подобной мебели.

Портретная. Западную анфиладу покоев завершает портретная комната. Портретные галереи, или просто собрания портретов с начала XVIII века становятся обязательными для русского богатого дома. В портретном собрании Меншикова насчитывалось не менее 19 полотен, среди которых были портреты царя, членов царской семьи и представителей европейских королевских домов, а также членов княжеской семьи. Кроме живописных портретов, Меншиков заказал Б.К.Растрелли свой бронзовый бюст, который стал первым в русском искусстве скульптурным портретом реальной личности. Этот бюст экспонируется в Эрмитаже.

В экспозиции представлены живописные портреты отца Петра I — царя Алексея Михайловича, племянницы Петра I Анны Иоанновны, частой гостьи в доме князя, герцогини Курляндской и будущей русской императрицы (северная сторона), юного императора Петра II — внука Петра I, который жил в этом дворце (западная стена). Из семейного собрания экспонируется (на западной стене) портрет сестры князя Анны, жены генерал-полцимейстера Петербурга португальца Антона Дивиера.

Европейские королевские дома представлены портретами союзника Петра I по Северной войне саксонского курфюрста и короля Польши Августа Сильного (северная стена) и французского дофина (западная стена).

Имена авторов портретов с течением времени были утрачены, и только портрет дофина уверенно можно считать работой живописца из мастерской известного французского портретиста Г.Риго.

Дополняют убранство портретной бюсты XVIII века, изображающие античных героев.

Прихожая. Завершает экспозицию западной половины дворца прихожая. Стены прихожей декорированы тремя шпалерами фламандской работы XVII века. Центральную, западную, стену занимает большая шпалера с изображением исторической сцены, южную стену — шпалера с сюжетом из истории Александра Македонского — любимого исторического героя Меншикова, северную стену — шпалера с изображением неизвестного герба.

У западной стены стоит большой сундук из ореха немецкой работы XVIII века с орнаментальной резьбой и росписью, у северной стены — сплошь обитый кожей роскошный сундук, изготов-

ленный в Нидерландах в середине XVII века. Медные шляпки гвоздей создают строго симметричный сложный геометрический рисунок. В начале XVIII века сундук, видимо, обновляли, так как именно к этому времени относятся изящно выполненные в стиле регентства бронзовые накладки: маскарон на крышке сундука и ключевина в виде двух дельфинов, поддерживающих корону и сплетенных хвостами, которые образуют характерный для того времени рисунок раковины.

Убранство последних двух комнат западной половины дворца дополняют стулья так называемого «крестьянского» типа с резными спинками, широко распространенные в Европе в XVII — XVIII веках.

Прошли столетия, но во дворце и поныне ощущается дух Петровского времени, периода становления новой русской культуры; сохраняется аромат той эпохи, «когда Россия молодая, в борениях силы напрягая, мужала с гением Петра».

Реставрация дворца и воссоздание его интерьеров продолжают

Литература

- Антонов А.Н.* Первый Кадетский корпус. Краткие исторические сведения. СПб., 1906.
- Антонов А.Н.* Музей Первого Кадетского корпуса. СПб., 1909.
- Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
- Висковатов А.* Краткая история Первого Кадетского корпуса. СПб., 1832.
- Георги И.* Описание Российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794.
- Гессен А.Э., Трубинов Ю.В.* Меншиковский дворец. Проблемы реставрации. Строительство и архитектура Ленинграда, 1970, №10.
- Гессен А.Э.* Жизнь архитектуры (вопросы научной реставрации) // Восстановление памятников культуры (Проблемы реставрации). М., 1981.
- Грабарь И.Э.* История русского искусства, т. III, М., 1912.
- Денисов Ю.М., Трубинов Ю.В.* Дворец Меншикова или Кадетский корпус? // Строительство и архитектура Ленинграда, 1977, №5.
- Денисов Ю.М., Трубинов Ю.В., Галочкин В.К., Михайлов Г.В.* Ключ к воссозданию памятника // Строительство и архитектура Ленинграда, 1978, №5.
- Дневник камер-юнкера Берхгольца*, т. т. 1-2. М., 1858—1862.
- Дорофеева Л.П.* Изразцы в архитектурно-декоративном решении дворца А.Д.Меншикова // Труды Гос. Эрмитажа, т. XXIII, Л., 1983.
- Есипов Г.* Жизнеописание кн. А.Д.Меншикова // Русск. архив, 1875, №3.
- Жемчужников Л.* Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971.
- Записки Юста Юля*, датского посланника при дворе Петра Великого (1709—1711). М., 1899.
- Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, сочиненное А.Богдановым, а ныне дополненное и изданное Василием Рубаном. СПб., 1779.
- Калязина Н.В.* Материалы к иконографии А.Д.Меншикова // «Культура и искусство Петровского времени. Публикации и исследования». Л., 1977.
- Калязина Н.В.* Меншиковский дворец-музей. Л., 1982.
- Калязина Н.В.* Архитектор Леблон в России (1716—1719) // «От средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русско-

- му искусству XVIII — первой половины XIX века» / Под ред. Т.В.Алексеевой. М., 1984.
- Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В.* Дворец Меншикова. М., 1986.
- Калязина Н.В.* Меншиковский дворец // «Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий» / Под общей редакцией Б.Б.Пиотровского. Л., 1989.
- Калязина Н.В.* Архитекторы ансамбля дворца Меншикова на Васильевском острове // Русская культура первой четверти XVIII века. Дворец Меншикова / Государственный Эрмитаж. СПб., 1992.
- Кедринский А.А., Колотов М.Г., Ометов Б.Н., Раскин А.Г.* Восстановление памятников архитектуры Ленинграда, Л., 1983.
- Колотов М.Г., Трубинов Ю.В.* Плафоны Меншиковского дворца в Ленинграде // Искусство, 1977, № 1.
- Курбатов В.Я.* Петербург. СПб., 1913.
- Луппов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.;Л., 1957.
- Описание... Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710 и 1711 годах // Русская старина, т. XXXVI, 1882.
- Описание... столичного города С.-Петербурга... / Пер. и коммент. Е.Э.Либталь, С.П.Луппова // Белые ночи, Л., 1975.
- Павленко Н.И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1981.
- Петров А.Н.* Меншиковский дворец. Историческая справка. Рукопись. Архив объединения «Реставратор». Л., 1956.
- Петров А.Н.* Материалы к научному обоснованию реставрационных работ по Меншиковскому дворцу. Рукопись. Архив ГИОП. Л., 1962.
- Ползикова-Рубец К.В.* Дворец Меншикова. Пг., 1923.
- Пушкарев И.* Исторический указатель достопримечательностей Санкт-Петербурга. СПб., 1846.
- Реставрация личных покоев Меншикова // Сын Отечества., 1896, № 17.
- Русская архитектура первой половины XVIII века / Под ред. И.Э. Грабаря. М., 1954.
- Сведения о капитальном ремонте дворца Меншикова // Сын Отечества, 1899, № 223.
- Троицкий С.М.* Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII века (по архиву князя А.Д.Меншикова) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

Оглавление

Вступление	5
На невских берегах	7
«Счастья баловень безродный...»	10
Посольский дворец	17
Архитекторы и строители каменных палат	20
Резиденция генерал-губернатора	25
Для нужд Кадетского корпуса	47
«Рассадник великих людей России»	52
Кадетские реформы	55
Первая реставрация	61
Музей Кадетского корпуса	66
Начало возрождения старого дворца	67
Поиски и находки	72
Реставрация интерьеров	77
По залам музея	91
<i>Литература</i>	139

Дворец Меншикова в Санкт-Петербурге

Васильевский остров, Университетская наб., 15.

Открыт для посещения ежедневно,
кроме понедельника,

с 10 час. 30 мин. до 18 час.

Справки об экскурсиях по тел. 213-11-12

Нинель Васильевна Калязина
Евгений Андреевич Калязин

Дворец Меншикова в Санкт-Петербурге

История, реставрация, музей

Редактор *Р.Г. Рабинович*

Корректор *В.О. Кондратьева*

Компьютерный набор *А.Г. Мошняков*

Дизайн и компьютерная верстка *Д.А. Бюргановский*

Лицензия ЛР № 070937 от 20 апреля 1993 г.

Сдано в печать 00.11.96. Формат 70 x 100/32.

Гарнитура TimeRoman. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,3.

Тираж 5000 экз. Заказ № 487

Издательство «Русско-Балтийский информационный
центр БЛИЦ».

190000 Санкт-Петербург, Английская наб., 4

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН.

199034, Санкт-Петербург, ВО, 9-я линия, 12

Книга о Дворце-музее А. Д. Меншикова
в Санкт-Петербурге выпускается при поддержке
Березовского межрегионального некоммерческого
благотворительного Фонда
памяти светлейшего князя
Александра Даниловича Меншикова

